

人間の書

人間の書

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
малая серия № 44

АЛЕКСАНДР БЛОК

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТОМ II

Вступительная статья,
редакция и примечания
Вл. Орлова

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1938

**СТИХОТВОРЕНИЯ
КНИГА ТРЕТЬЯ**

1907—1916

Страшный мир

(1909—1916)

К МУЗЕ

Есть в напевах твоих сокровенных
Роковая о гибели весть,
Есть проклятье заветов священных,
Поругание счаствия есть.

И такая влекущая сила,
Что готов я твердить за молвой,
Будто ангелов ты низводила,
Соблазня своей красотой...

И когда ты смеешься над верой,
Над тобой загорается вдруг
Тот неяркий, пурпурово-серый
И когда-то мной виденный круг.

Зла, добра ли? — Ты вся — не отсюда
Мудрено про тебя говорят:
Для иных ты — и Муза, и чудо.
Для меня ты — мученье и ад.

Я не знаю, зачем на рассвете,
В час, когда уже не было сил,
Не погиб я, но лик твой заметил
И твоих утешений просил?

Я хотел, чтоб мы были врагами,
Так за что ж подарила мне ты
Луг с цветами и твердь со звездами—
Всё проклятье своей красоты?

И коварнее северной ночи,
И хмельней золотого Аи,
И любови цыганской короче
Были страшные ласки твои...

И была роковая отрада
В попиранный заветных святынь,
И безумная сердцу услада —
Эта горькая страсть, как полынь!

29 декабря 1912

Под шум и звон однообразный,
Под городскую суэту
Я ухожу, душою праздный,
В метель, во мрак и в пустоту.

Я обрываю нить сознанья
И забываю, что и как...
Кругом — снега, трамваи, зданья,
А впереди — огни и мрак.

Чтó, если я, завороженный,
Сознанья оборвавший нить,
Вернусь домой униженный, —
Ты можешь ли меня простить?

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред; поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая,
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

2 февраля 1909

В эти желтые дни меж домами
Мы встречаемся только на миг.
Ты меня обжигаешь глазами
И скрываешься в темный тупик...

Но очей молчаливым пожаром
Ты не даром меня обдаешь,
И склоняюсь я тайно не даром
Пред тобой, молчаливая ложь!

Ночи зимние бросят, быть может,
Нас в безумный и дьявольский бал,
И меня, наконец, уничтожит
Твой разящий, твой взор, твой книжал

6 октября 1909

Из хрустального тумана,
Из невиданного сна
Чай-то образ, чай-то странный...
(В кабинете ресторана
За бутылкою вина).

Визг цыганского напева
Налетел из дальних зал,
Дальних скрипок вопль туманный.
Входит ветер, входит дева
В глубь исчерченных зеркал.

Взор во взор — и жгуче-синий
Обозначился простор.
Магдалина! Магдалина!
Веет ветер из пустыни,
Раздувающий костер.

Узкий твой бокал и выюга
За глухим стеклом окна —
Жизни только половина!
Но за выюгой — солнцем юга
Опаленная страна!

Разрешенье всех мучений,
Всех хулений и похвал,
Всех змеящихся улыбок,

Всех просительных движений,—
Жизнь разбей, как мой бокал!

Чтоб на ложе долгой ночи
Не хватило страстных сил!
Чтоб в пустынном волле скрипок
Перепуганные очи
Смертный сумрак погасил.

6 октября 1909

ДВОЙНИК

Однажды в октябрьском тумане
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непродажных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот, в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.

И стала мне молодость сниться,
И ты, как живая, и ты...
И стал я мечтой уноситься
От ветра, дождя, темноты...
(Так ранняя молодость снится.
А ты-то, вернешься ли ты?)

Вдруг вижу, — из ночи туманной,
Шатаясь, подходит ко мне
Стареющий юноша (странны,
Не снился ли мне он во сне?),
Выходит из ночи туманной
И прямо подходит ко мне.

И шепчет: «Устал я шататься,
Промозглым туманом дышать,
В чужих зеркалах отражаться
И женщин чужих целовать...»

И стало мне странным казаться,
Что я его встречу опять...

Вдруг — он улыбнулся нахально, —
И нет близ меня никого...
Знаком этот образ печальный,
И где-то я видел его...
Быть может, себя самого
Я встретил на глади зеркальной?

Октябрь 1909

ПЕСНЬ АДА

День догорел на сфере той земли,
Где я искал путей и дней короче.
Там сумерки лиловые легли.

Меня там нет. Тропой подземной ночи
Схожу, скользя, уступом скользких скал.
Знакомый Ад глядит в пустые очи.

Я на земле был брошен в яркий бал,
И в диком танце масок и обличий
Забыл любовь и дружбу потерях.

Где спутник мой? — О, где ты, Беатриче? —
Иду один, утратив правый путь,
В кругах подземных, как велит обычай,

Средь ужасов и мраков потонуть.
Поток несет друзей и женщин трупы,
Кой-где мелькнет молящий взор, иль грудь,

Пощады вопль, иль возглас нежный — скупо
Сорвется с уст; здесь умерли слова;
Здесь стянута бессмысленно и тупо

Кольцом железной боли голова;
И я, который пел когда-то нежно,—
Отверженец, утративший права!

Все к пропасти стремятся безнадежной,
И я вовсед. Но вот, в прорыве скал,
Над пеной потока белоснежной,

Передо мною бесконечный зал.
Сеть кактусов и роз благоуханье,
Обрывки мрака в глубине зеркал;

Далеких утр неясное мерцанье
Чуть золотит поверженный кумир;
И душное спирается дыханье.

Мне этот зал напомнил страшный мир,
Где я бродил слепой, как в дикой сказке,
И где застиг меня последний пир.

Там — брошены зияющие маски;
Там — старцем соблазненная жена,
И наглый свет застал их в мерзкой ласке...

Но заалелся переплет окна
Под утренним холодным поцелуем,
И странно розовеет типшина.

В сей час в стране блаженной мы очуемся,
Лишь здесь бессилен наш земной обман,
И я смотрю, предчувствием волнуем,

В глубь зеркала сквозь утренний туман.
Навстречу мне, из паутины мрака
Выходит юноша. Затянут стан;

Увядшей розы цвет в петлице фрака
Бледнее уст на лице мертвца;
На пальце — знак таинственного брака —

Сияет острый аметист кольца;
И я смотрю с волненьем непонятным
В черты его отцветшего лица

И спрашиваю голосом чуть внятным:
— Скажи, за что томиться должен ты
И по кругам скитаться невозвратным? —

Пришли в смятенье тонкие черты,
Сожженный рот глотает воздух жадно,
И голос говорит из пустоты:

— Узнай: я предан муке беспощадной
За то, что был на горестной земле
Под тяжким игом страсти безотрадной.

Едва наш город скроется во мгле,—
Томим волной безумного напева,
С печатью преступленья на челе,

Как падшая униженная дева,
Иду забвенья в радостях вина...
И пробил час карающего гнева:

Из глубины невиданного сна
Всплеснулась, ослепила, засияла
Передо мной — чудесная жена!

В вечернем звоне хрупкого бокала,
В тумане хмельном встретившись на миг
С единственной, кто ласки презирала,

Я ликованье первое постиг!
Я утопил в ее зеницах взоры!
Я испустил впервые страстный крик!

Так этот миг настал, нежданно скорый.
И мрак был глух. И долгий вечер мглист
И странно встали в небе метеоры.

И был в крови вот этот аметист.
И пил я кровь из плеч благоуханных,
И был напиток душен и смолист...

Но не кляни повествований странных
О том, как длился непонятный сон...
Из бездн ночных и пропастей туманных

К нам доносился погребальный звон;
Язык огня взлетел, свистя, над нами,
Чтоб сжечь ненужность прерванных времен

И — сомкнутых безмерными цепями —
Нас некий вихрь увлек в подземный мир!
Окованной на век глухими снами,

Дано ей чуять боль и помнить пир,
Когда, что ночь, к плечам ее атласным
Тоскующий склоняется вампир!

Но мой удел — могу ль не звать ужасным?
Едва холодный и больной рассвет
Исполнит Ад сияньем безучастным,

Из зала в зал иду свершать завет,
Гоним тоскою страсти беззначальной,—
Так сострадай и помни, мой поэт:

Я обречен в далеком мраке сиальной,
Где спит она и дышит горячо,
Склонясь над ней влюбленно и печально

Вонзить свой перстень в белое плечо!

31 октября 1909

Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначеннное плаванье
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Всё потеряно, всё выпито!
Довольно — больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном
Саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

14 ноября 1909

НА ОСТРОВАХ

Вновь оснеженные колонны,
Елагин мост и два огня.
И голос женщины влюбленный.
И хруст песка и храп коня.

Две тени, слитых в поделуе,
Летят у полости саней.
Но не таясь и не ревнуя,
Я с этой новой — с пленной — с ней.

Да, есть печальная услада
В том, что любовь пройдет, как снег.
О, разве, разве клясться надо
В старинной верности навек?

Нет, я не первую ласкаю
И в строгой четкости моей
Уже в покорность не играю
И дарств не требую у ней.

Нет, с постоянством геометра
Я числю каждый раз без слов
Мосты, часовню, резкость ветра,
Бездонность низких островов.

Я чту обряд: легко заправить
Медвежью полость на лету,
И, тонкий стан обняв, лукавить,
И мчаться в снег и темноту,

И помнить узкие ботинки,
Влюбляясь в хладные меха...
Ведь грудь моя на поединке
Не встретит шпаги жениха...

Ведь со свечой в тревоге давней
Ее не ждет у двери мать...
Ведь бедный муж за плотной ставней
Ее не станет ревновать...

Чем ночь прошедшая сияла,
Чем настоящая зовет,
Всё только — продолженье бала,
Из света в сумрак переход...

22 ноября 1909

С мирным счастьем покончены счеты,
Не дразни, запоздалый уют.
Всюду эти щемящие ноты
Стерегут и в пустынью зовут.

Жизнь пустынна, бездомна, бездонна,
Да, я в это поверил с тех пор,
Как пропел мне сиреной влюбленной!
Тот, сквозь ночь пролетевший мотор.

11 февраля 1910

Дух прянный марта был в лунном круге,
Под талым снегом хрустел песок.
Мой город истаял в мокрой выюге,
Рыдал, влюбленный, у чых-то ног.

Ты прижималась всё суеверней,
И мне казалось — сквозь храп коня —
Венгерский танец в небесной черни
Звенит и плачет, дразня меня.

А шалый ветер, носясь над далью, —
Хотел он выжечь душу мне,
В лицо швыряя твоей вуалью
И запевая о старине...

И вдруг — ты, дальняя, чужая,
Сказала с молнией в глазах:
То луша, на последний путь вступая,
Безумно плачет о прошлых снах.

6 марта 1910

В РЕСТОРАНЕ

Никогда не забуду (он был, или не был
Этот вечер): пожаром зари
Сожжено и раздвинуто бледное небо,
И на желтой заре — фонари.

Я сидел у окна в переполненном зале.
Где-то пели смычки о любви.
Я послал тебе черную розу в бокале
Золотого, как небо, Аи.

Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.
Обратясь к кавалеру, намеренно резко
Ты сказала: — И этот влюблен.

И сейчас же в ответ что-то грянули струны,
Иступленно запели смычки...
Но была ты со мной всем презрением юным,
Чуть заметным дрожаньем руки...

Ты рванулась движеньем испуганной птицы,
Ты прошла, словно сон мой легка...
И вздохнули духи, задремали ресницы,
Зашептались тревожно шелка.

Но из глуби зеркал ты мне взоры бросала
И, бросая, кричала: — Лови! ...
А монисто бренчало, цыганка плясала
И визжала заре о любви.

9 апреля 1910

ДЕМОН

Прижмись ко мне крепче и ближе,
Не жил я — блуждал средь чужих...
О, сон мой! Я новое вижу
В бреду поделуев твоих!

В томленьи твоем исступленном
Тоска небывалой весны
Горит мне лучом отдаленным
И тячется песней зурны.

На дымно-лиловые горы
Принес я на луч и на звук
Усталые губы и взоры
И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,
В разливах синеющих крыл,
С тобою, с мечтой о Тамаре,
Я, горний, навеки без сил...

И снится — в далеком ауле,
У склона бессмертной горы,
Тоскливо к нам в небо плеснули
Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,
Пыль вьется и стонет зурна...
Пусть скачет жених — не доскачет!
Чеченская пуля верна.

19 апреля 1910

Там человек сгорел
Фет

Как тяжело ходить среди людей
И притворяться непогибшим,
И об игре трагической страстей
Повествовать еще нежившим.

И, глядываясь в свой ночной кошмар,
Строй находить в нестройном вихре чувства,
Чтобы по бледным заревам искусства
Узнали жизни гибельной пожар!

10 мая 1910

Я коротаю жизнь мою,
Мою безумную, глухую:
Сегодня — трезво торжествую,
А завтра — плачу и пою.

Но если гибель предстоит?
Но если за моей спиной
Тот — необъятною рукою
Покрывший зеркало — стоит?...

Блеснет в глаза зеркальный свет,
И в ужасе, зажмуря очи,
Я отступлю в ту область ночи,
Откуда возвращенья нет...

27 сентября 1910

УНИЖЕНИЕ

В черных сучьях дерев обнаженных.
Желтый зимний закат за окном.
(К эшафоту на казнь осужденных
Поведут на закате таком).

Красный штоф полинялых диванов,
Пропыленные кисти портьер...
В этой комнате, в звоне стаканов,
Купчик, шулер, студент, офицер...

Этих голых рисунков журнала
Не людская касалась рука...
И рука подлеца нажимала
Эту грязную кнопку звонка...

Чу! По мягким коврам прозвенели
Шпоры, смех, заглушенный дверьми...
Разве дом этот — дом в самом деле?
Разве так суждено меж людьми?

Разве рад я сегодняшней встрече?
Что ты ликом бела, словно плат?
Что в твои обнаженные плечи
Бьет огромный холодный закат?

Только губы с запекшейся кровью
На иконе твоей золотой
(Разве это мы звали любовью?)
Преломились безумной чертой...

В желтом, зимнем, огромном закате
Утонула (так пышно!) кровать...
Еще тесно дышать от объятий,
Но ты свищешь опять и опять...

Он не весел — твой свист замогильный...
Чу! опять — бормотание шпор...
Словно змей, тяжкий, сытый и пыльный.
Шлейф твой с кресел ползет на ковер...

Ты смела! Так еще будь бесстрашней!
Я — не муж, не жених твой, не друг!
Так вонзай же, мой ангел вчерашний,
В сердце — острый французский каблук.

Декабрь 1911

АВИАТОР

Летун отпущен на свободу.
Качнув две лопасти свои,
Как чудище морское в воду,
Скользнул в воздушные струи.

Его винты поют, как струны...
Смотри: недрогнувший пилот
К слепому солнцу над трибуной
Стремит свой винтовой полет...

Уж ввышине недостижимой
Сияет двигателя медь...
Там, еле слышный и незримый,
Пропеллер продолжает петь...

Потом — напрасно ищет око:
На небе не найдешь следа:
В бинокле, вскинутом высоко,
Лишь воздух — ясный, как вода...

А здесь, в колеблющемся зное,
В курящейся над лугом мгле,
Ангары, люди, всё земное —
Как бы придавлено к земле...

Но снова в золотом тумане,
Как будто, неземной аккорд...

Он близок, миг рукоплесканий
И жалкий мировой рекорд!

Всё ниже спуск винтообразный,
Всё круче лопастей извив,
И вдруг... нелепый, безобразный
В однообразы перерыв...

И зверь с умолкшими винтами
Повис пугающим углом...
Иди отзветшими глазами
Опоры в воздухе... пустом!

Уж поздно: на траве равнины
Крыла измятая дуга...
В сплетеньи проволок машины
Рука мертвее рычага...

Зачем ты в небе был, отважный,
В свой первый и последний раз?
Чтоб львице светской и продажной
Поднять к тебе фиалки глаз?

Или восторг самозабвенья
Губительный изведал ты,
Безумно возлкал наденья
И сам остановил винты?

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

1910 — январь 1912

ПЛЯСКИ СМЕРТИ

1

Как тяжко мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втирататься,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злобы,
И перья торжествующе скрипят.

Мертвец весь день трудится над докладом
Присутствие кончается. И вот —
Нашептывает он, виляя задом,
Сенатору скабрезный анекдот...

Уж вечер. Мелкий дождь зашлепал грязью
Прохожих, и дома, и прочий вздор...
А мертвеца — к другому безобразью
Скрепещущий несет таксомотор.

В зал многогрудный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем — изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка — дура и супруг — дурак.

Он изнемог от дня чиновной скуки,
Но лязг костей музыкой заглушен...
Он крепко жмет приятельские руки —
Живым, живым казаться должен он!

Лишь у колонны встретится очами
С подругою — она, как он, мертва.
За их условно-светскими речами
Ты слышишь настоящие слова:

— Усталый друг, мне странно в этом зале.
— Усталый друг, могила холода.
— Уж полночь. — Да, но вы не приглашали
На вальс NN. Она в вас влюблена...

А там — NN уж ищет взором страстным
Его, его — с волнением в крови...
В ее лице, девически прекрасном,
Бессмысленный восторг живой любви...

Он шепчет ей незначащие речи,
Пленительные для живых слова,
И смотрит он, как розовеют плечи,
Как на плечо склонилась голова...

И острый яд привычно-светской злости
С нездешней злостью расточает он...
— Как он умен! Как он в меня влюблен!
В ее ушах — нездешний, странный звон:
    То кости лязгают о кости.

19 февраля 1912

2

Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Всё будет так. Исхода нет.

Умрешь — начнешь опять сначала,
И повторится всё, как встарь:
Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

10 октября 1912

3

Пустая улица. Один огонь в окне.
Еврей-аптекарь охает во сне.

А перед шкафом с надписью *Venena*,¹
Хозяйственно согнув скрипучие колена,

Скелет, до глаз закутанный плащом,
Чего-то ищет, скалясь черным ртом...

Нашел... Но ненароком чем-то звякнул,
И череп повернулся... Аптекарь крякнул,

Привстал, — и на другой свалился бок...
А гость меж тем — заветный пузырек

Сует из-под плаща двум женщинам
безносым
На улице, под фонарем белёсым.

Октябрь 1912

¹ Яд.—Ред.

Старый, старый сон. Из мрака
Фонари бегут — куда?
Там — лишь черная вода,
Там забвенье навсегда.

Тень скользит из-за угла,
К ней другая подползла.
Плащ распахнут, грудь бела,
Алый цвет в петлице фрака.

Тень вторая — стройный латник,
Иль невеста от венца?
Шлем и перья. Нет лица.
Неподвижность мертвеца.

В воротах гремит звонок,
Глухо щелкает замок.
Переходят за порог
Проститутка и развратник...

Воет ветер леденящий,
Пусто, тихо и темно.
Наверху горит окно.
Всё равно.

Как свинец, черна вода.
В ней забвенье навсегда.
Третий призрак. Ты куда,
Ты, из тени в тень скользящий?

7 февраля 1914

Вновь богатый зол и рад,
Вновь унижен бедный.
С кровель каменных громад
Смотрит месяц бледный,

Насыпает тишину,
Оттеняет крутизну
Каменных отвесов,
Черноту навесов...

Всё бы это было зря,
Еслиб не было царя,
Чтоб блюсти законы.

Только не ищи дворца,
Добродушного лица,
Золотой короны.

Он — с далеких пустырей
В свете редких фонарей
Появляется.

Шея скрученена платком,
Под дырявым козырьком
Улыбается.

7 февраля 1914

Когда ж конец? Назойливому звуку
Не станет сил без отдыха внимать...
Как страшно всё! Как дико! — Дай мне руку,
Товарищ, друг! Забудемся опять.

2 июля 1912

Миря летят. Года летят. Пустая
Вселенная глядит в нас мраком глаз.
А ты, душа, усталая, глухая,
О счастии твердишь, — который раз?

Что счастье? Вечерние прохлады
В темнеющем саду, в лесной глуши?
Иль мрачные порочные услады
Вина, страстей, погибели души?

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон, и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный —
И за сердце хватающий полет...

Вздохнула, глядишь — опасность миновала...
Но в этот самый миг — опять толчок!
Запущенный куда-то, как попало,
Летит, жужжит, торопится волчок!

И, уцепясь за край скользящий, острый,
И слушая всегда жужжащий звон, —
Не сходим ли с ума мы в смене пестрой.
Придуманных причин, пространств,
времен...

Ночь без той, зовут кого
Светлым именем: *Ленора*.
Эдгар По

Осениий вечер был. Под звук дождя
стеклянный
Решал всё тот же я — мучительный вопрос,
Когда в мой кабинет, огромный и туманный,
Вошел тот джентльмен. За ним — лохматый
пес.

На кресло у огня уселся гость устало,
И пес у ног его разлегся на ковер.
Гость вежливо сказал: «Ужель еще вам мало?
«Пред Гением Судьбы пора смириться, сёр».

«Но в старости — возврат и юности,
и жара»...
Так начал я... но он настойчиво прервал:
«Она — всё та ж: *Ленор безумного Эдгара*.
«Возврата нет. — Еще? Теперь я всё
сказал».

И странно: жизнь была — восторгом, бурей,
адом,
А здесь — в вечерний час — с чужим
наедине —

Под этим деловым, давно спокойным
взглядом.
Представилась она гораздо проще мне...

Тот джентльмен ушел. Но пес со мной
бессменно.
В час горький на меня уставит добрый взор,
И лапу жесткую положит на колено,
Как будто говорит: *Пора смириться, сёр*.

2 ноября 1912

Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить:
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.

Как бы ни был не чуток и груб
Человек, за которым следят,—
Он почувствует пристальный взгляд
Хоть в углах еле дрогнувших губ.

А другой — точно сразу поймет:
Вздрогнут плечи, рука у него;
Обернется — и нет ничего;
Между тем — беспокойство растет.

Тем и страшен невидимый взгляд,
Что его невозможно поймать;
Чуешь ты, но не можешь понять,
Чи глаза за тобою следят.

Не корысть — не влюбленность, не
месть;
Так — игра, как игра у детей:
И в собрании каждом людей
Эти тайные сыщики есть.

Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей — не собой.

Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничай не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил...

О, тоска! Через тысячу лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...

А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

18 декабря 1913

Как растет тревога к ночи!
Тихо, холодно, темно.
Совесть мучит, жизнь хлопочет.
На луну взглянуть нет мочи
Сквозь морозное окно.

Что-то в мире происходит.
Утром страшно мне раскрыть
Лист газетный. Кто-то хочет
Появиться, кто-то бродит.
Иль — раздумал, может быть?

Гость бессонный, пол скрипучий?
Ах, не всё ли мне равно!
Вновь сдружусь с кабацкой скрипкой,
Монотонной и певучей!
Вновь я буду пить вино!

Всё равно, не хватит силы
Дотащиться до конца
С трезвой, живою улыбкой,
За которой — страх могилы,
Беспокойство мертвела.

30 декабря 1913

Ну, что же? Устало заломлены слабые руки,
И вечность сама загляделась в погасшие очи,
И муки утихли. А если и были высокие
муки,—
Что нужды? — Я вижу печальное шествие
ночи.

Ведь, солнце, положенный круг обойдя,
закатилось.
Открой мои книги: там сказано всё, что
свершится.
Да, был я пророком, пока это сердце
молилось,—
Молилось и пело тебя, но, ведь, ты — не
дарица.

Царем я не буду: ты власти мечты не
делила.
Рабом я не стану: ты власти земли не
хотела.
Вот новая наша: пока не откроет могила
Сырые объятья, — тащиться без важного
дела...

Но я — человек. И, паденье свое признавая,
Тревогу свою не смируя я: она всё сильнее.

То ревность по дому, тревогою сердце
снедая,
Твердит неотступно: Что делаешь, делай
скорее.

21 февраля 1914

ЖИЗНЬ МОЕГО ПРИЯТЕЛЯ

1

Весь день, как день: трудов исполнен
малых

И мелочных забот.
Их вереница мимо глаз усталых
Ненужно проплывет.

Волнуешься, — а в глубине покорный:
Не выгорит — и пусть.
На дне твоей души, безрадостной и черной,
Безверие и грусть.

И к вечеру отхлынет вереница
Твоих дневных забот.
Когда ж в морозный мрак засмотрится
столица
И полночь проопеет, —

И рад бы ты уснуть, — но страшная минута!
Средь всяких прочих дум —
Бессмысличество всех дел, безрадостность
уютя
Придут тебе на ум.

Ты вскочишь и бежишь на улицы глухие,
Но некому помочь:
Куда ни повернись, — глядит в глаза пустые
И провожает — ночь.

Там ветер над тобой на сквозняках
простонет
До бледного утра;
Городовой, чтоб не заснуть, отгонит
Бродягу от костра...

И, наконец, придет желанная усталость,
И станет всё равно...
Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая эта
малость!

Ну, разве не смешно?

11 февраля 1914

2

Поглядите, вот бессильный,
Не умевший жизнь спасти,
И она, как дух могильный,
Тяжко дремлет взаперти.

В голубом морозном своде
Так приплюснут диск больной.

Заплевавший всё в природе
Нестерпимой желтизной.

Уходи и ты. Довольно
Ты терпел, несчастный друг,
От его тоски невольной,
От его невольных мук.

То, что было, миновалось,
Ваш удел на все похож:
Сердце к правде порывалось,
Но его сломила ложь.

30 декабря 1913

58

Всё свершилось по писаньям:
Остудился юный пыл,
И конец очарованьям
Постепенно наступил.

Был в чаду, не чуя чада,
Утешался мукой ада,
Перечислил все слова,
Но — болела голова...

Долго, жалобно болела,
Тело тихо ходило,
Пробудился: тридцать лет.
Хвать-похвать, — а сердца нет.

Сердце — крашеный мертвей.
И, когда настал конец,

Он нашел весьма банальной
Смерть души своей печальной.

30 декабря 1913

4

Когда невзначай в воскресенье
Он душу свою потерял,
В сыскное не шел отделеное,
Свидетелей он не искал.

А было их, впрочем, не мало:
Дворовый щенок голосил,
В воротах старуха стояла,
И дворник на чай попросил.

Когда же он медленно вышел,
Подняв воротник, из ворот,
Тараща сочувственно с крыши
Глазищи обмызганный кот.

Ты думаешь, тоже свидетель?
Так он и ответит тебе!

В такой же гульбе
Его добродетели!

30 декабря 1913

5

Пристал ко мне нищий дурак,
Идет по пятам, как знакомый.
— Где деньги твои? — Снес в кабак.
— Где сердце? — Закинуто в омут.

50

— Чего ж тебе надо? — Того,
Чтоб стал ты, как я, откровенен,
Как я, в унижены смиренен,
А больше, мой друг, ничего.

— Что лезешь ты в сердце чужое?
Ступай, проходи, сторонись!

— Ты думаешь, милый, нас двое?
Напрасно: смотри, оглянись...

И правда (ну, задал задачу!)
Гляжу — близъ меня никого...
В карман посмотрел — ничего...
Взглянул в свое сердце... и плаку.

30 декабря 1913

6

День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихом.
Все говорили кругом
О болезнях, врачах и лекарствах.
О службе рассказывал друг,
Другой — о Христе,
О газете — четвертый.
Два стихотворца (*поклонники Пушкина*)
Книжки прислали
С множеством рифм и размеров.
Курсистка прислала
Рукопись с тучей эпиграфов
(*Из Надсона и символистов*).
После — под звон телефона —
Посыльный конверт подавал,

4*

51

Надущенный чужими духами.
Розы поставьте на стол,
Написано было в записке,
И приходилось их ставить на стол...
После — собрат по перу,
До глаз в бороде утонувший,
О причитаньях у южных хорватов
Рассказывал долго.
Критик, громя футуризм,
Символизмом шпиона,
Заключив реализм.
В кинематографе вечером
Знатный барон деловался под
пальмой
С барышней низкого званья,
Ее до себя возвышая...
Всё было в отменном порядке.

Он с вечера крепко уснул
И проснулся в другой стране.
Ни холод утра,
Ни слово друга,
Ни дамские розы,
Ни манифест футуриста,
Ни стихи пушкиньяца,
Ни лай собачий,
Ни грохот тележный, —
Ничто, ничто
В мир возвратить не могло...

И что поделаешь, право,
Если отменный порядок
Милого дальнего мира

В сны иногда погрузит,
И в снах этих многое снится...
И не всегда в них такой,
Как в мире, отменный порядок...

Нет, очнешься порой,
Взволнован, встревожен
Воспоминанием смутным,
Предчувствием тайным...
Буйно забываются в мозгу
Слишком светлые мысли...
И, укрошая их буйство,
Словно пугаясь чего-то, — не лучше-ль,
Думаешь ты, чтоб и новый
День проходил, как всегда:
В сумасшествии тихол?

24 мая 1914

7

Говорят ЧЕРТИ

Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховые стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искрометное вино,
Пока вино тебе по праву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи —
Ты их сверканий не отринь,

Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».

Ведь всё равно, очарованье
Пройдет, и в сумасшедший час
Ты, в иступленном покаянья,
Проклять замыслишь бедных, нас.

И станешь падать — но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...

10 декабря 1915

Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам — к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить бога —
Уж он — не голос, только — стон.
Я отворю. Пускай немного
Еще помучается он.

10 декабря 1915

8

Говорит СМЕРТЬ:

Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел,
Он разучился славить бога
И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой
Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.

Но он измучился — и ранний
Жар юности простыл — и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встает.

Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне
Притаился, глядит.
Каждый демон в тебе сторожит,
Притаясь в грозовой тишине...

ЧЕРНАЯ КРОВЬ

1

В пол-оборота ты встала ко мне,
Грудь и рука твоя видится мне.

Мать запрещает тебе подходить,
Мне — искушенье тебя оскорбить!

Нет, опустил я напрасно глаза,
Лышит, преследует, близко — гроза...

Взор мой горит у тебя на щеке,
Трепет бежит по дрожащей руке...

Ширится круг твоего мне огня,
Ты, и не глядя, глядишь на меня!

Пеплом подернутый бурный костер —
Твой не глядящий, скользящий твой взор!

Нет! Не смирит эту черную кровь
Даже — свидание, даже — любовь!

2 января 1914

И вздымается жадная грудь...
Этих демонов страшных вспугнуть?
Нет! Глаза отвратить, и не сметь, и не сметь
В эту страшную пропасть глядеть!

22 марта 1914

3

Даже имя твое мне презренно,
Но, когда ты сощуришь глаза,
Слышиу, воет поток многоголосый,
Из пустыни подходит гроза.

Глаз молчит, золотистый и карий,
Горла тонкие ищут персты...
Подойди. Подползи. Я ударю —
И, как кошка, ощеришься ты...

30 января 1914

4

О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой
В объятья страшные! Чтоб долго длились
муки,
Когда — ни расплести сцепившиеся руки,
Ни разомкнуть уста — нельзя во тьме
ночной!

Я слепнуть не хочу от молны грозовой,
Ни слушать скрипок вой (неистовые звуки!),
Ни испытать прибой неизреченной скуки,
Зарывшись в пепел твой горящей головой!

Как первый человек, божественным сгорая,
Хочу вернуть навек на синий берег рая
Тебя, убив всю ложь и уничтожив яд...

Но ты меня зовешь! Твой ядовитый взгляд
Иной пророчит рай! — Я уступаю, зная,
Что твой змеиный рай — бездонной скуки ад.

Февраль 1912

5

Вновь у себя... Унижен, зол и рад.
Ночь, день ли там, в окне?
Вон месяц, как паяц, над кровлями громад
Гrimасу корчит мне...

Дневное солнце — прочь, раскаяние — прочь!
Кто смеет мне помочь?
В опустошенный мозг ворвется только ночь,
Ворвется только ночь!

В пустую грудь один, один проникнет
взгляд,
Вопьется жадный взгляд...
Всё отойдет навек, настанет никоида,
Когда ты крикнешь: Да!

29 января 1914

58

6

Испугом охвачена, влекома
В водоворот...
Как эта комната знакома!
И всё навек пройдет?

И, в ужасе, несвязно шепчет...
И, скрыв лицо,
Пугливых рук свищает крепче
Певучее кольцо...

И утра первый луч, звенящий
Сквозь желтых штор...
И чертит бог на теле спящей
Свой световой узор.

2 января 1914

7

Ночь, как века, и томный трепет,
И страстный бред,
Уст о блаженно-странным лепет,
В окне — старинный, слабый свет.

Несбыточные уверенья,
Нет, не слова —
То, что теряет всё значенье,
Забрежжит бледный день едва...

Тогда — во взгляде глаз усталом —
Твоя в нем ложь!
Тогда мой рот извивом алым
На твой таинственно похож!

Декабрь 1913

59

Я ее победил, наконец!
Я завлек ее в мой дворец!

Три свечи в бесконечной дали.
Мы в тяжелых коврах, в пыли.

И под смуглым огнем трех свеч
Смуглый бархат открытых плеч,

Буря спутанных кос, тусклый глаз,
На кольце — померкший алмаз,

И обугленный рот в крови
Еще просит пыток любви.

А в провале глухих окон
Смутный шелест многих знамен,

Звон и трубы, и конский топ,
И качается тяжкий гроб.

— О, любимый, мы не одни!
О, несчастный, гаси огни!...

— Отгони непонятный страх —
Это кровь прошумела в ушах.

Близок вой похоронных труб,
Смутен вздох охладевших губ:

— Мой красавец, позор мой, бич...
Ночь бросает свой мглистый клич,

Гаснут свечи, глаза, слова...
— Ты мертва наконец, мертва!

Знаю, выпил я кровь твою...
Я кладу тебя в гроб и пою, —

Мглистой ночью о нежной весне
Будет петь твоя кровь во мне!

Октябрь 1909

9

Над лучшим созданием божьим
Изведал я силу презренья.
Я палкой ударил ее.

Поспешно оделась. Уходит.
Ушла. Оглянулась пугливо
На сизые окна мои.

И нет ее. В сизые окна
Вливается вечер ненастный,
А дальше, за мраком ненастья,
Горит заревая кайма.

Далекие, влажные долы
И близкое, бурное счастье!
Один я стою и внимаю
Тому, что мне скрипки поют.

Поют они дикие песни
О том, что свободным я стал!
О том, что на лучшую долю
Я низкую страсть променял!

13 марта 1910

ГОЛОС ИЗ ХОРА

Как часто плачем — вы и я —
Над жалкой жизнью своей!
О, еслиб знали вы, друзья,
Холод и мрак грядущих дней!

Теперь ты милой руку жмешь,
Играешь с нею, шутя,
И плачешь ты, заметив ложь,
Или в руке любимой нож,
Дитя, дитя!

Лжи и коварству меры нет,
А смерть — далека.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!

И век последний, ужасней всех,
Увидим и вы и я.
Всё небо скроет гнусный грех,
На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

Весны, дитя! ты будешь ждать —
Весна обманет.

Ты будешь солнце на небо звать —
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень, канет...

Будьте же довольны жизнью своей,
Тише воды, ниже травы!
О, еслиб знали, дети, вы,
Холод и мрак грядущих дней!

6 июня 1910—27 февраля 1914

Возмездие

(1908 - 1913)

О доблестях, о подвигах, о славе
Я забывал на горестной земле,
Когда твое лицо в простой оправе
Передо мной сияло на столе.

Но час настал, и ты ушла из дома.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Летели дни, крутясь проклятым роем...
Вино и страсть терзали жизнь мою...
И вспомнил я тебя пред аналоем,
И звал тебя, как молодость свою...

Я звал тебя, но ты не оглянулась,
Я слезы лил, но ты не снизошла.
Ты в синий плащ печально завернулась,
В сырую ночь ты из дома ушла.

Не знаю, где приют своей гордыне
Ты, милая, ты, нежная, нашла...
Я крепко сплю, мне снится плащ твой
Синий,
В котором ты в сырую ночь ушла...

Уж не мечтать о нежности, о славе,
Всё миновалось, молодость прошла!
Твое лицо в его простой оправе
Своей рукой убрая я со стола.

30 декабря 1908

Мне вечность заглянула в очи,
Покой на сердце низвела,
Прохладной влагой синей ночи
Костер волненья залила...

30 июля 1908

Она, как прежде, захотела
Вдохнуть дыхание свое
В мое измученное тело,
В мое холодное жилье.

Как небо, встала надо мною,
А я не мог навстречу ей
Пошевелить больной рукою,
Сказать, что тосковал о ней...

Смотрел я тусклыми глазами,
Как надо мной она грустит,
И больше не было меж нами
Ни слов, ни счастья, ни обид...

Земное сердце уставало
Так много лет, так много дней...
Земное счастье запоздало!
На тройке бешеної своей!

Я, наконец, смертельно болен,
Дышу иным, иным томлюсь,
Закатом солнечным доволен
И вечной ночи не боюсь...

Ночь, как ночь, и улица пустынна.
Так всегда!
Для кого же ты была невинна
И горда?

Лишь сырья каплет мгла с карнизов.
Я и сам
Собираюсь бросить злобный вызов
Небесам.

Все на свете, все на свете знают:
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет!

И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут!
День, как день; ведь решена задача:
Все умрут.

4 ноября 1908

Я сегодня не помню, что было вчера,
По утрам забываю свои вечера,
В белый день забываю огни,
По ночам забываю дни.

Но все ночи и дни наплывают на нас
Перед смертью, в торжественный час.
И тогда — в духоте, в тесноте,

Слишком больно мечтать
О былой красоте
И не мочь:
Хочешь встать —
И ночь.

3 февраля 1909

Когда я прозревал впервые,
Навстречу жаждущей мечте
Лучи метнулись заревые
И трубный ангел в высоте.

Но торжества не выносила
Пустынной жизни суeta,
Беззубым смехом исказила
Всё, чем жива была мечта.

Замолкли ангельские трубы,
Немотствует дневная ночь.
Верни мне, жизнь, хоть смех
беззубый,
Чтоб в тишине не изнемочь!

Март 1909

Дохнула жизнь в лицо могилой —
Мне страстью бурей не вздохнуть.
Одна мечта с упрамой силой
Последний открывает путь:

Пой, пои свои творенья
Незримым ядом мертвца,
Чтоб гневной злостью презренья
Людские отравлять сердца.

Март 1909

Евг. Иванову

Когда, вступая в мир огромный,
Единства тщетно ищешь ты;
Когда ты смотришь в угол темный
И смерти ждешь из темноты;

Когда ты злобен, или болен,
Тоской иль страстию палим,
Поверь: тогда еще ты волен
Гордиться счастием своим!

Когда ж ни склокой, ни любовью,
Ни страхом уж не дышишь ты,
Когда запятнаны мечты
Не юной и не быстрой кровью, —

Тогда — ограблен ты и наг:
Смерть не возможна без томления,
А жизнь, не зная истребления,
Так — только замедляет шаг.

Март 1909

Весенний день прошел без дела
У неумытого окна;
Скучала за стеной и пела,
Как птица пленная, жена.

Я, не спеша, собрал бесстрастно
Воспоминанья и дела;
И стало беспощадно ясно:
Жизнь прошумела и ушла.

Еще вернутся мысли, споры,
Но будет скучно и темно;
К чему спускать на окнах шторы?
День догорел в душе давно.

Март 1909

Ты в комнате один сидишь.

Ты слышишь?

Я знаю: ты теперь не спишь...

Ты дышишь и не дышишь.

Зачем за дверью свет погас?

Не бойся!

Я твой давно забытый час,

Стучусь — откройся.

Я знаю, ты теперь в бреду,

Мятежный!

Я всё равно к тебе войду,

Старинный друг и нежный...

Не бойся вспоминать меня:

Ты был так молод...

Ты сел на белого коня,

И щеки жег осенний холод!

Ты полетел туда, туда, —

В янтарь закатный!

Немудрый, знал ли ты тогда

Свой нищий путь возвратный?

Теперь ты мудр: не прекословь —

Что tolku в споре?

Ты помнишь первую любовь
И зори, зори, зори?

Зачем склонился ты лицом
Так низко?

Утешься: ветер за окном —
То трубы смерти близкой!

Открой, ответь на мой вопрос:
Твой день был ярок?

Я саван царственный принес
Тебе в подарок!

Март 1969

Кольцо существованья тесно:
Как все пути приводят в Рим,
Так нам заранее известно,
Что всё мы рабски повторим.

И мне, как всем, всё тот же жребий
Мерещится в грядущей мгле:
Опять — любить Ее на небе
И изменить Ей на земле.

Июнь 1909

Чем больше хочешь отдохнуть,
Тем жизнь страшней, тем жизнь
страшней,
Сырой туман ползет с полей,
Сырой туман вползает в грудь
По бархату ночей...

Забудь о том, что жизнь была,
О том, что будет жизнь, забудь...
С полей ползет ночная мгла...

Одно, одно —
Уснуть, уснуть...
Но всё равно —
Разбудит кто-нибудь.

27 августа 1909

ШАГИ КОМАНДОРА

В. А. Зоргенфельс

Тяжкий плотный занавес у входа.

За ночным окном — туман.

Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?

Холодно и пусто в пышной спальне,

Слуги спят и ночь глуха.

Из страны блаженной, незнакомой, дальней
Сынко пенье петуха.

Что изменнику блаженства звуки?

Миги жизни сочтены.

Донна Анна спит, скрестив на сердце руки,
Донна Анна видит сны...

Чьи черты жестокие застыли,

В зеркалах отражены?

Анна, Анна, сладко-ль спать в могиле?
Сладко-ль видеть неземные сны?

Жизнь пуста, безумна и бездонна!

Выходи на битву, старый рок!

И в ответ — победно и влюбленно —
В снежной мгле поет рожок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,
Черный, тихий, как сова, мотор.
Тихими, тяжелыми шагами
В дом вступает Командор...

Настежь дверь. Из непомерной стужи,
Словно хриплый бойочных часов —
Бой часов: — Ты звал меня на ужин.
— Я пришел. А ты готов?...

На вопрос жестокий нет ответа,
Нет ответа — тишина.

В пышной спальне страшно в час рассвета,
Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно.

В час рассвета — ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! — Тишина.

Только в грозном утреннем тумане
Бьют часы в последний раз:
Донна Анна в смертный час твой встанет.
Анна встанет в смертный час.

1910—16 февраля 1912

Как свершилось, как случилось?
Был я беден, слаб и мал.
Но Великий неких тайна
Мне до времени открыл, ась,
Я Высокое познал.

Недостойный раб, сокровищ
Мне врученных не храня,
Был я даръ и страж случайный.
Сонмы лютые чудовищ
Налетели па меня.

Приручили я чарой лестью
Тех, кто первые пришли.
Но не счастье нам вражьей силы!
Ощетинившейся местью
Остальные поползли.

И, покинув стражу, к ночи
Я пошел во вражий стан.
Ночь курилась, как кадило.
Ослепительные очи
Повлекли меня в туман.

Падший ангел, был я встречен
В стане их, как юный бог.
Как прекрасный небожитель,

Я дарицей был замечен,
Я входил в ее чертог,

В тот чертог, который в пепел
Обратится на земле.
Но не спал мой грозный Мститель
Лик Его был гневно-светел
В эти ночи на скале.

И рассвет мне в очи глянул,
Наступил мой скучный день.
Только крыл раздался трепет,
Кто-то мимо в небо канул,
Как разгневанная тень.

Было долгое томление.
Думал я: не будет дня.
Бред безумный, страшный лепет,
Клятвы, пени, уверенья
Доносились до меня.

Но, тоской моей гонима,
Нежить сгинула, — и вдруг
День жестокий, день железный
Вокруг меня неумолимо
Очертил замкнутый круг.

Нет конца и нет начала,
Нет исхода — стала и стала.
И пустыней бесполезной
Душу бедную обстала
Прежде милая мне даль.

Ямбы

(1907 — 1914)

Не таюсь я перед вами,
Посмотрите на меня:
Я стою среди пожарищ,
Обожженный языками
Преисподнего огня.

Где же ты? не медли боле.
Ты, как я, не ждешь звезды.
Приходи ко мне, товарищ,
Разделить земной юдоли
Невеселые труды.

19 декабря 1913

Fecit indignatio versum.
Juven. Sat. I, 79¹

Посвящается памяти
моей покойной сестры
Ангелины Александровны Блок

О, я хочу безумно жить:
Всё сущее — увековечить,
Бездличное — вочеловечить,
Несбывшееся — воплотить!

Пусть душит жизни сон тяжелый,
Пусть задыхаюсь в этом сне, —
Быть может, юноша веселый
В грядущем скажет обо мне:

Простим упрямство — разве это
Сокрытый двигатель его?
Он весь — дитя добра и света,
Он весь — свободы торжество!

5 февраля 1914

¹ Негодование рождает стих. Ювенал.—Ред.

Я ухо приложил к земле.
Я муки криком не нарушу.
Ты слишком хриплым стоном душу
Бессмертную томишь во мгле!
Эй, встань и загорись и жги!
Эй, подними свой верный молот,
Чтоб молнией живой расколот
Был мрак, где не видать ни эги!
Ты роешься, подземный крот!
Я слышу трудный, хриплый голос...
Не медли. Помни: слабый колос
Под их секирой упадет...
Как зерна, злую землю рой
И выходи на свет. И ведай:
За их случайною победой
Роится сумрак гробовой.
Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна — над этой новью,
Вспоенная твою кровью
Созреет новая любовь.

3 июня 1907

Тропами тайными, ночныхми,
При свете траурной зари,
Придут замученные ими,
Над ними встанут упыри.
Овеют призраки ночные
Их помышленья и дела,
И загниют еще живые
Их слишком сытые тела.
Их корабли в пучине водной
Не същут ржавых якорей,
И не успеть дочесть отходной
Тебе, пузатый перей!
Довольных сытое обличье,
Сокройся в темные гроба!
Так нам велит времен величе
И розоперстал судьба!
Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!
Всё, всё — да станет легкой пылью
Под солнцем, не уставшим жечь!

3 июня 1907

В голодной и больной неволе
И день не в день, и год не в год.
Когда же всколосится поле,
Вздохнет униженный народ?

Что лето, шелестят во мраке,
То выпрямляясь, то клонясь
Всю ночь под тайным ветром, злаки:
Пора цветенья началась.

Народ — венец земного цвета,
Краса и радость всем цветам:
Не миновать господня лета
Благоприятного — и нам.

15 февраля 1909

Не спят, не помнят, не торгуют.
Над черным городом, как стон,
Стоит, терзая ночь глухую,
Торжественный пасхальный звон.

Над человеческим созданьем,
Которое он в землю вблиз,
Над смрадом, смертью и страданьем
Трезвонят до потери сил...

Над мировою чепухою;
Над всем, чему нельзя помочь;
Звонят над шубкой меховою,
В которой ты была в ту ночь.

30 марта 1909

О, как смеялись вы над нами,
Как ненавидели вы нас
За то, что тихими стихами
Мы громко обличили вас!
Но мы — всё те же. Мы, поэты,
За вас, о вас тоскуем вновь,
Храня священную любовь,
Твердя старинные обеты...
И так же прост наш тихий храм,
Мы на стенах читаем сроки...
Так смейтесь, и не верьте нам,
И не читайте наши строки
О том, что под землей струи
Поют, о том, что бродят светы...

Но помни Тютчева заветы:
*Молчи, скрывайся и тай
И чувства и мечты свои...*

Январь 1911

Я — Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце — первая любовь
Жива — к единственной на свете.

Тебя, Офелию мою,
Увел далеко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю
Клинком отравленным заколот.

6 февраля 1914

Так. Бура этих лет прошла.
Мужик поплелся бороздою
Сырой и черной. Надо мною
Опять звенят весны крыла...

И страшно, и легко, и больно;
Опять весна мне шепчет: *встань...*
И я целую богомольно
Ее невидимую ткань...

И сердце бьется слишком скоро,
И слишком молодеет кровь,
Когда за тучкой легкоперой
Сквозит мне первая любовь...

Забудь, забудь о страшном мире,
Взмахни крылом, лети туда...
Нет, не один я был на пире!
Нет, не забуду никогда!

14 февраля 1909—6-7 февраля 1914

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где уничтоженье,
Где грязь, и мрак, и нищета.
Туда, туда, смиренней, ниже,—
Оттуда зримей мир иной...
Ты видел ли детей в Париже,
Иль нищих на мосту зилой?
На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Всё не смела в твоей отчизне,—
Дай гневу правому созреть,
Приготовляй к работе руки...
Не можешь — дай тоске и скуче
В тебе копиться и гореть...
Но только — живой жизни этой
Румяна жирные сотри
И, как пугливый крот, от света
Заройся в землю — там замри,
Всю жизнь жестоко ненавида
И презирая этот свет,
Пускай грядущего не видя,—
Дням настоящим молвив: *нет!*

Осень 1911—7 февраля 1914

Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.
Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни вольной!) —
Над черной Вислой — черный бред...
Как скучно, холодно и больно!
Когда б из памяти моей
Я вычеркнуть имел бы право
Сырой притон тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир — жилище бога,
О холодах об огне.

1910—6 февраля 1914

Земное сердце стынет вновь,
Но стужу я встречаю грудью.
Храню я к людям на безлюдьи
Неразделенную любовь.

Но за любовью — зреет гнев,
Растет презренье и желанье
Читать в глазах мужей и дев
Печать забвенья иль избранья.

Пускай зовут: Забудь, поэт!
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.

1911—6 февраля 1914

Спит сном неведомым и страдным,
В очарованы бездыханном,
Среди глубоких недр,— пока
В горах не запоет кирка.

1910—6 февраля 1914

В огне и холоде тревог —
Так жизнь пройдет. Запомним оба,
Что встретиться судил нам бог
В час искупительный — у гроба.

Я верю: новый век взойдет
Средь всех несчастных поколений.
Недаром славит каждый род
Смертельно оскорбленный гений.

И все, как он, оскорблены
В своих сердцах, в своих певучих.
И всем — священный меч войны
Сверкает в неизбежных тучах.

Пусть день далек — у нас всё те же
Заветы юношам и девам:
Презренье созревает гневом,
А злость гнева — есть мятец.

Разыграйтe жизнь, как фант.
Сердца поэтов чутко внемлют,
В их беспокойстве — воли дремлют;
Так точно — черный бриллиант

Итальянские стихи (1909)

Sic finit occule sic multos decipit aetas
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet
Heu heu praeteritum non est revocabile
Heu proprius tacito mors venit ipsa pede.¹

Надпись под часами в церкви
Santa Maria Novella (Флоренция)

РАВЕННА

Всё, что минутно, всё, что бренно,
Похоронила ты в веках.
Ты, как младенец, спиши, Равенна,
У сонной вечности в руках.

Рабы сквозь римские ворота
Уже не ввозят мозаик.
И догорает позолота
В стенах прохладных базилик.

От медленных лобзаний влаги
Нежнее грубый свод гробниц,

¹ Так незаметно многих уничтожают годы,
Так приходит к концу всё существующее в мире;
Увы, увы, невозвратимо минувшее время,
Увы, слишком быстро приходит смерть неслыш-
ним шагом.—Ред.

Где зеленеют саркофаги
Святых монахов и цариц.

Безмолвны гробовые залы,
Тенист и хладен их порог,
Чтоб черный взор блаженной Галлы,
Проснувшись, камня не прожег.

Военной брани и обиды
Забыт и стерт кровавый след,
Чтобы воскресший глас Плакиды
Не пел страстей протекших лет.

Далеко отступило море,
И розы оделили вал,
Чтоб спящий в гробе Теодорих
О буре жизни не мечтал.

А виноградные пустыни,
Дома и люди — всё гроба.
Лишь медь торжественной латыни
Поет на плитах, как труба.

Лишь в пристальном и тихом взоре
Равеннских девушек, порой,
Печаль о невозвратном море
Проходит робкой чередой.

Лишь по ночам, склонясь к долинам,
Ведя векам грядущим счет,
Тень Данта с профилем орлиным
О Новой Жизни мне поет.

Май—июнь 1909

Почнет в мире Теодорих,
И Дант не встанет с ложа сна.
Где прежде бушевало море,
Там — виноград и тишина.
В ласкающем и тихом взоре
Равенских девушек — весна.

Здесь голос страсти невозможен,
Ответа нет моей мольбе!
О, как я пред тобой ничтожен!
Завидую твоей судьбе,
О, Галла! — страстию к тебе
Всегда взволнован и встревожен!

Июнь 1909

ДЕВУШКА ИЗ SPOLETO

Строен твой стан, как церковные свечи.
Взор твой — мечами пронзающий взор.
Дева, не жду ослепительной встречи —
Дай, как монаху, взойти на костер!

Счастья не требую. Ласки не надо.
Лаской ли грубой тебя оскорблю?
Лишь, как художник, смотрю за ограду,
Где ты срываешь цветы, — и люблю!

Мимо, всё мимо — ты ветром гонима —
Солицем палима — Мария! Позволь
Взору — прозреть над тобой херувима,
Сердцу — изведать сладчайшую боль!

Тихо я в темные кудри вплетаю
Тайных стихов драгоценный алмаз.
Жадно влюбленное сердце бросаю
В темный источник сияющих глаз.

3 июня 1909

ВЕНЕЦИЯ

1

С ней уходил я в море,
С ней покидал я берег,
С нею я был далеко,
С нею забыл я близких...

О, красный парус
В зеленой дали!
Черный стеклярус
На темной шали!

Идет от сумрачной обедни,
Нет в сердце крови...
Христос, уставший крест нести...

Адриатической любви —
Моей последней —
Прости, прости!

мая 1919

2

Евг. Иванову

Холодный ветер от лагуны.
Гондол безмолвные гроба.
Я в эту ночь — больной и юный —
Простерт у львиного столба.

На башне, с песнию чугунной,
Гиганты бьют полночный час.
Марк утонул в лагуне лунной
Узорный свой иконостас.

В тени дворцовой галереи,
Чуть озаренная луной,
Таясь, проходит Саломея
С моей кровавой головой.

Всё спит — дворцы, каналы, люди,
Лишь призрака скользящий шаг,
Лишь голова на черном блюде
Глядит с тоской в окрестный мрак.

Август 1909

3

Слабеет жизни гул упорный.
Уходит вспять прилив забот.
И некий ветр сквозь бархат черный
О жизни будущей поет.

Очнусь ли я в другой отчизне,
Не в этой сумрачной стране?
И памятью об этой жизни
Вздохнуль когда-нибудь во сне?

Кто даст мне жизнь? Потомок дожа,
Купец, рыбак, иль иерей
В грядущем мраке делит ложе
С грядущей матерью моей?

Быть может, венецкой девы
Каиной нежной слух пленя,
Отец грядущий сквозь напевы
Уже предчувствует меня?

И неужель в грядущем веке
Младенцу мне — велит судьба
Впервые дрогнувшие веки
Открыть у львиного столба?

Мать, что поют глухие струны?
Уж ты мечтаешь, может быть,
Меня от ветра, от лагуны
Священной шалью оградить?

Нет! Всё, что есть, что было,— живо!
Мечты, виденья, думы — прочь!
Волна возвратного прилива
Бросает в бархатную ночь!

26 августа 1909

ПЕРУДЖИЯ

Там — в окне, под фреской Перуджино,
Черный глаз смеется, дышит грудь:
Кто-то смуглую рукой корзину
Хочет и не смеет дотянуть...

На корзине — белая записка:
«Questa sera¹... монастырь Франциска...»

Июнь 1909

¹ Нынче вечером. — Ред.

ФЛОРЕНЦИЯ

1

Умри, Флоренция, Иуда,
Исчезни в сумрак вековой!
Я в час любви тебя забуду,
В час смерти буду не с тобой!

О, Bella,¹ смеялся над собою,
Уж не прекрасна больше ты!
Гнилой морщиной гробовою
Искажены твои черты!

Хрипят твои автомобили,
Твои уродливы дома,
Всеевропейской желтой пыли
Ты предала себя сама!

Звенят в пыли велосипеды
Там, где святой монах сожжен,
Где Леонардо сумрак ведал,
Беато снился синий сон!

Ты пышных Мёдичей тревожишь,
Ты топчешь лилии свои,

¹ Прекрасная (обычное название Флоренции). — Ред.

Но воскресить себя не можешь
В пыли торговой толчей!

Гнусавой мессы стон протяжный
И трупный запах роз в церквях —
Весь груз тоски многоэтажный —
Сгинь в очистительных вехах!

Май—июнь 1909

2

Флоренция, ты ирис нежный;
По ком томился я один
Любовью длинной, безнадежной,
Весь день в пыли твоих Кашин?

О, сладко вспомнить безнадежность:
Мечтать и жить в твоей глупши;
Уйти в твой древний зной и
Своей стареющей души...

в нежность
Но суждено нам разлучиться,
И через дальние края
Твой дымный ирис будет сниться,
Как юность ранняя моя.

Июнь 1909

3

Страстью длинной, безмятежной
Занялась душа моя,
Ирис дымный, ирис нежный,
Благовония струя,

Переплыть велит все реки
На воздушных парусах,
Утонуть велит наевки
В тех вечерних небесах,
И когда предамся зною,
Голубой вечерний зной
В голубое голубую
Унесет меня волной...

Июнь 1909

4

Жгут раскаленные камни
Мой лихорадочный взгляд.
Дымные ирисы в пламени,
Словно сейчас улетят.
О, безъисходность печали,
Знаю тебя наизусть!
В черное небо Италии
Черной душою гляжуся.

Июнь 1909

5

Окна ложные на небе черном,
И прожектор на древнем дворце.
Вот проходит она — вся в узорном
И с улыбкой на смуглом лице.

А вино уж мутит мои взоры
И по жилам огнем разлилось...
Что мне спеть в этот вечер, синьора?
Что мне спеть, чтоб вам сладко спалось?

Июнь 1909

106

6

Под зноем флорентийской лени
Еще беднее чувством ты:
Молчат церковные ступени,
Цветут нерадостно цветы.

Так береги остаток чувства,
Храни хоть творческую ложь:
Лишь в легком членоке искусства
От скуки мира улизывешь.

17 мая 1909

7

Голубоватым дымом
Вечерний зной возносится,
Долин тосканских царь...

Он мимо, мимо, мимо
Летучей мышью бросится
Под уличный фонарь...

И вот уже в долинах
Несметный сонм огней,
И вот уже в витринах
Ответный блеск камней,
И город скрыли горы
В свой сумрак голубой,
И тешатся синьоры
Кандонай площадной...

107

Дымится пыльный ирис,
И легкой пеной пенится
Бокал Христовых Слез...

Пляши и пой на пире,
Флоренция, изменница,
В венке спаленных роз!...

Сведи с ума канцоной
О преданной любви,
И сделай ночь бессонной,
И струны оборви,
И бей в свой бубен гулкий,
Рыдания тая!
В пустынном переулке
Скорбит душа твоя...

Август 1909

Вот девушка, едва развившись,
Еще не потупляясь, не краснея,
Непостижимо черным взглядом
Смотрит мне навстречу.
Была бы на то моя воля,
Просидел бы я всю жизнь в Сеттиньяно,
У выветрившегося камня Септимия Севера,
Смотрел бы я на камни, залитые солнцем,
На красивую загорелую шею и спину
Некрасивой женщины под дрожащими
тополями.

15 мая 1909

MADONNA DA SETTIGNANO

Встретив на горном Тебя перевале,
Мой прояснившийся взор
Понял тосканские дымные дали
И очертания гор.

Желтый платок Твой разубран
Цветами
Сонный то маковый цвет.
Смотришь большими, как небо, глазами
Бедному страннику вслед.

Дашь ли запреты забыть вековые
Вечному путнику — мне?
Страстно твердить Твое Имя, Мария,
Здесь, на чужой стороне?

3 июня 1909

ФЬЕЗОЛЕ

Стучит топор, и с кампаний
К нам флорентийский звон долинный
Плынет, допытыв и разбудил
Сон золотистый и старинный...

Не так же ли стучал топор
В нагорном ФьёзOLE когда-то,
Когда впервые взор Беато
Флоренцию приметил с гор?

Июнь 1909

СИЕНА

В юне площади пологой
Пробивается трава.
Месяц острый, круторогий,
Башни — свечи божества.

О, лукавая Сиена,
Вся — колчан упругих стрел!
Вероломство и измены —
Твой таинственный удел!

От соседних лоз и пашен
Оградись со всех сторон,
Острия церквей и башен
Ты вонзила в небосклон!

И томленьем дух влюбленный
Наполняют образа,
Где коварные Мадонны
Щурят длинные глаза:

Пусть грозит Младенцу буря,
Пусть грозит Младенцу враг,
Мать глядится в мутный мрак,
Очи влажные сощуря!...

7 июня 1909

СИЕНСКИЙ СОБОР

Когда страшишься смерти скорой,
Когда твои неярки дни, —
К плитам Сиенского собора
Свой натруженный взор склони.

Скажи, где место вечной ночи?
Вот здесь — Сивиллины уста
В безумном трепете пророчат
О воскресении Христа.

Свершай свое земное дело,
Довольный возрастом своим.
Здесь под рездом оцепенело
Всё то, над чем мы ворожим.

Вот — мальчик над цветком и с птицей,
Вот — муж с пергаментом в руках,
Вот — дряхлый старец над гробницей
Склоняется на двух клюках.

Молчи, душа. Не мучь, не трогай,
Не понуждай и не зови:
Когда-нибудь придет он, строгий,
Кристально-ясный час любви.

Июнь 1909

Искусство — ноша на плечах,
Зато, как мы, поэты, ценим
Жизнь в мимолетных мелочах!
Как сладостно предаться лени,
Почувствовать, как в жилах кровь
Переливается певуче,
Бросающую в жар любовь
Поймать за тучкою летучей,
И грезить, будто жизнь сама
Встает во всем шампанском блеске,
В мурлыкающем нежно трескe
Мигающего Сиёта!
А через год — в чужой стране:
Усталость, город неизвестный,
Толпа, — и вновь на полотне
Черты француженки прелестной!...

Июнь 1909

Глаза, опущенные скромно,
Плечо, закрытое фатой...
Ты многим кажешься святой,
Но Ты, Мария, вероломна...

Быть с девой — быть во власти ночи,
Качаться на морских волнах...
И не напрасно эти очи
К мирянам ревновал монах:

Он в нише сумрачной церковной
Поставил с братией Ее —
Подальше от мечты греховной,
В молитвенное забытье...

Однако, братьям надоело

• • • • •
• • • • •
• • • • •

Конец преданьям и туманам!
Теперь — во всех церквях Она
Равно — монахам и мирянам
На поруганье предана...

Но есть один вздыхатель тайный
Красы божественной — поэт...

Он видит Твой необычайный,
Немеркнувший, Мария, свет!

Он на коленях в нише темной
Замолит страстные грехи,
Замолит свой восторг нескромный,
Свои греховные стихи!

И Ты, Чье сердце благосклонно,
Не гневайся и не дивись,
Что взглянет он порой влюбленно
В Твою ласкающую высь!

12 июня 1909

БЛАГОВЕЩЕНИЕ

С детских лет — видения и грезы,
Умбрия ласкающая мгла.
На оградах всыхивают розы,
Тонкие поют колокола.

Слишком резвы милые подруги,
Слишком дерзок их открытый взор.
Лишь она одна в предвечном круге
Ткет и ткет свой шелковый узор.

Робкие томят ее надежды,
Грезятся несбыточные сны.
И внезапно — красные одежды
Дрогнули на золоте стены.

Всем лицом склонилась над шелками,
Но везде — сквозь золото ресниц —
Вихрь ли с многоцветными крылами,
Или ангел, распростертый нид...

Темноликий ангел с дерзкой ветью!
Молвят: Здравствуй! Ты полна красы!
И она дрожит перед страстью вестью,
С плеч упали тяжких две косы...

Он поет и шепчет — ближе, ближе,
Уж над ней — шумящих крыл шатер...
И она без сил склоняет ниже
Потемневший, помутневший взор...

Трепеща, не верит: «Я-ли, я-ли?»
И рукою закрывает грудь...
Но чернеют пламенные дали —
Не уйти, не встать и не вздохнуть...

И тогда — незнаемою болью
Озарился светлый круг лица...
А над ними — символ своеволья —
Перуджийский гриф когтит тельца.

Лишь художник, занавесью скрытый,—
Он проводит страшной муки крест
И твердит: — Profani, procul ite,
Hic amoris locus sacer est.¹

Май—июнь 1909

¹ Идите прочь, непосвященные: здесь свято место любви.—Ред.

УСПЕНИЕ

Ее спеленутое тело
Сложили в молодом лесу.
Оно от мук помолодело,
Вернув бывалую красу.

Уже не шумный и не ярый,
С волнением, в скатые персты
В последний раз архангел старый
Влагает белые цветы.

Златит далекие вершины
Прощальным отблеском заря,
И над туманами долины
Встают усопших три царя.

Их привела, как в дни былье,
Дугая, поздняя звезда.
И пастухи, уже седые,
Кк встарь, сгоняют с гор стада.

Истражей вечному покою
Дцины заступила мгла.
Лишь меж звездою и зарею
Злятся nimбы без числа.

А выше, по крутым оврагам
Поет ручей, цветет миндаль,
И над открытым саркофагом
Могильный ангел смотрит в даль.

4 июня 1909

ЭПИТАФИЯ ФРА ФИЛИППО ЛИППИ¹

Здесь я покоюсь, Филиппи, живописец
навеки бессмертный,
Дивная прелесть моей кисти — у всех на
устах.
Душу умел я вдохнуть искусными
пальдами — в краски,
Набожных души умел — голосом бога
смутить.
Даже природа сама, на мои заглядевшись
созданья,
Принуждена меня звать мастером
равным себе.

В мраморном этом гробу меня упокоял
Лаврентий
Мёдичи, прежде чем я в низменный прах
обращусь.

7 марта 1914

¹ Эпитафия сочинена Полицианом и вырезана на могильной плите художника в Сполетском соборе по повелению Лаврентия Великолепного. (Прим. Блока.)

CONDITUS HIC EGO SUM PICTURE FAMA
PHILIPPUS
NULLI IGNOTA MEE GRATIA MIRA MANUS
ARTIFICIS POTUI DIGITIS ANIMARE
COLORES
SPERATAQUE ANIMOS FALLERE VOCE
DIU
IPSA MEIS STUPUIT NATURA EXPRESSA
FIGURIS
MEQUE SUIS FASSA EST ARTIBUS
ESSE PAREM

MARMOREO TUMULO MEDICES
LAURENTIUS HIC ME
CONDIDIT ANTE HUMILI PULVERE
TECTUS ERAM

ЗА ГРОБОМ

Божья мать Утоли мои печали
Перед гробом шла, светла, тиха.
А за гробом — в траурной вуали
Шла невеста, провожая жениха...

Был он только литератор модный,
Только слов кощунственных творец...
Но мертвец — родной душе народной:
Всякий свято чтит она конец.

И навстречу кланялись, крестили
Многодумный, многотрудный лоб.
А друзья и близкие пысили
На икону, на нее, на гроб...

И с какою бесконечной грустью
(Не о нем — бог весть о ком?)
Приняла она слова сочувствий
И венок случайный за венком...

Этих фраз избитых повторенья,
Никому ненужные слова —
Возвела она в венец творенья,
В тайную улыбку божества...

Словно здесь, где пели и кадили,
Где и грусть не может быть тиха,
Убралась она фатой от пыли
И ждала Иного Жениха...

июля 1908

ДРУЗЬЯМ

Молчите, проклятые струны!
А. Майков

Друг другу мы тайно враждебны,
Завистливы, глухи, чужды,
А как бы и жить и работать,
Не зная извечной вражды!

Что делать! Ведь каждый старался
Свой собственный дом отравить,
Все стены прошитаны ядом,
И негде главы приклонить!

Что делать! Изверившись в счастье,
От смеху мы сходим с ума,
И, пьяные, с улицы смотрим,
Как рушатся наши дома!

Предатели в жизни и дружбе,
Пустых расточители слов,
Что делать! Мы путь расчищаем
Для наших далеких сынов!

Когда под забором в крапиве
Несчастные кости сгибают,
Какой-нибудь поздний историк
Напишет внушительный труд...

Вот только замучит, проклятый,
Ни в чем неповинных ребят
Годами рождения и смерти
И ворохом скверных цитат...

Печальная доля — так сложно,
Так трудно и празднично жить,
И стать достояньем доцента,
И критиков новых плодить...

Зарыться бы в свежем бурьяне,
Забыться бы сном навсегда!
Молчите, проклятые книги!
Я вас не писал никогда!

24 июля 1908

ПОЭТЫ

За городом вырос пустынnyй квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого надменной улыбкой.

Напрасно и день светозарный вставал
Над этим печальным болотом:
Его обитатель свой день посвящал
Вину и усердным работам.

Когда напивались, то в дружбе клялись,
Болтали динично и пряно.
Под утро их рвало. Потом, запершись,
Работали тупо и ряно.

Потом вылезали из будок, как псы,
Смотрели, как море горело.
И золотом каждой прохожей косы
Пленялись со знанием дела.

Разнежась, мечтали о веке златом,
Ругали издателей дружно.
И плакали горько над малым цветком,
Над маленькой тучкой жемчужной...

Так жили поэты. Читатель и друг!
Ты думаешь, может быть, — хуже
Твоих ежедневных бессильных потуг,
Твоей обывательской лужи?

Нет, милый читатель, мой критик слепой!
По крайности, есть у поэта
И косы, и тучки, и век золотой,
Тебе-ж недоступно всё это!...

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией кудой,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Пускай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала, —
Я верю: то бог меня снегом занес,
То выюга меня целовала!

24 июля 1908

Когда замрут отчаянья и злоба,
Нисходит сон. И крепко спим мы оба
На разных полюсах земли.

Ты обо мне, быть может, грешишь в эти
Часы. Идут часы походкою столетий,
И сны встают в земной дали.

И вижу в снах твой образ, твой прекрасный,
Каким он был до ночи злой и страшной,
Каким являлся мне. Смотри:

Всё та же ты, какой цвела когда-то,
Там, над горой туманной и зубчатой,
В лучах немеркнувшей зари.

1 августа 1908

Всё это было, было, было,
Свершился дней круговорот.
Какая ложь, какая сила
Тебя, прошедшее, вернет?

В час утра, чистый и хрустальный,
У стен Московского Кремля,
Восторг души первоначальный
Вернет ли мне моя земля?

Иль в ночь на Пасху, над Невою,
Под ветром, в стужу, в ледоход—
Старуха нищая клюкою
Мой труп спокойный шевельнет?

Иль на возлюбленной поляне
Под шелест осени седой
Мне тело в дождевом тумане
Расклобут коршун молодой?

Иль просто в час тоски беззвездной,
В каких-то четырех стенах,
С необходимостью железной
Усну на белых простынях?

И в новой жизни, непохожей,
Забуду прежнюю мечту,

И буду так же помнить дожей,
Как нынче помню Калиту?

Но верю — не пройдет бесследно
Всё, что так страстно я любил,
Весь трепет этой жизни бедной,
Весь этот непонятный пыл!

Август 1909

Так! Погибайте! Что в вас толку?
Цускай лишь раз, былым дыша,
О вас поплачет втихомолку
Шалунья девочка — душа...

25 ноября 1909

СУСАЛЬНЫЙ АНГЕЛ

На разукрашенную елку
И на играющих детей
Сусальний ангел смотрит в щелку
Закрытых наглоухо дверей.

А няня топит печку в детской,
Огонь трещит, горят светло...
Но ангел тает. Он — немедкий.
Ему не больно и тепло.

Сначала тают крылья крошки,
Головка падает назад,
Сломались сахарные ножки
И в сладкой лужице лежат...

Потом и лужица засохла.
Хозяйка ищет — нет его...
А няня старая оглохла,
Ворчать, не помнит ничего...

Ломайтесь, тайте и умрите,
Созданья хрупкие мечты,
Под ярким пламенем событий,
Под гул житейской суеты!

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутанным в цветной туман!

1911 — 6 февраля 1914

Ты помнишь? В нашей бухте сонной
Спала зеленая вода,
Когда кильватерной колонной
Вошли военные суда.

Четыре — серых. И вопросы
Нас волновали битый час,
И загорелые матросы
Ходили важно мимо нас.

Мир стал заманчивей и шире,
И вдруг — суда уплыли прочь.
Нам было видно: все четыре
Зарылись в океан и в ночь.

И вновь обычным стало море,
Маяк уныло замигал,
Когда на низком семафоре
Последний отдали сигнал...

Как мало в этой жизни надо
Нам, детям — и тебе и мне.
Ведь сердце радоваться радо
И самой малой новизне.

Благословляю всё, что было,
Я лучшей доли не искал.
О, сердце, сколько ты любило!
О, разум, сколько ты пытал!

Пускай и счастье и муки
Свой горький положили след,
Но в страстной буре, в долгой скуке —
Я не утратил прежний свет.

И ты, кого терзал я новым,
Прости меня. Нам быть — вдвоем.
Всё то, чего не скажешь словом,
Узнал я в облике твоем.

Глядят внимательные очи,
И сердце бьет, волнуясь, в грудь,
В холодном мраке снежной ночи
Свой верный продолжая путь.

15 января 1912

ВЛАДИМИРУ БЕСТУЖЕВУ

(Ответ)

Да, знаю я: произили ночь отвека
Незримые лучи.
Но меры нет страданью человека,
Ослепшего в ночи!

Да, знаю я, что в тайне — мир прекрасен
(Я знал Тебя, Любовь!)
Но этот шар над льдом жесток и красен,
Как гнев, как месть, как крови!

Ты ведаешь, что некий свет струится,
Объемля всё до дна.
Что ищет нас, что в свисте ветра длится
Иная тишина...

Но страннику, кто снежной ночью полон,
Кто загляделся в тьму,
Приснится, что не в вечный свет вошел он,
А луч сошел к нему.

23 марта 1912

И вновь — порывы юных лет,
И взрывы сил, и крайность мнений...
Но счастья не было — и нет.
Хоть в этом больше нет сомнений!

Пройди опасные года.
Тебя подстерегают всюду.
Но если выйдешь цел — тогда
Ты, наконец, поверишь чуду,

И, наконец, увидишь ты,
Что счастья и не надо было,
Что сей несбыточной мечты
И на пол-жизни не хватило,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердились связь, —

И только с нежною улыбкой
Порою будешь вспоминать
О детской той мечте, о зыбкой,
Что счастием привыкли звать!

19 июня 1912

ХУДОЖНИК

В жаркое лето и в зиму метельную,
В дни ваших свадеб, торжеств, похорон,
Жду, чтоб спугнул мою скучу смертельную
Легкий, доселе неслышанный звон.

Вот он — возник. И с холодным вниманием
Жду, чтоб понять, закрепить и убить.
И перед зорким моим ожиданием
Тянется он еле приметную нить.

С моря ли вихрь? Или сирены райские
В листьях поют? Или время стоит?
Или осьпали яблони майские
Снежный свой цвет? Или ангел летит?

Длится часы, мировое несущие.
Ширятся звуки, движенье и свет.
Прошлое страстно глядится в грядущее.
Нет настоящего. Жалкого — нет.

И, наконец, у предела зачатия
Новой души, неизведанных сил, —
Душу сражает, как громом, проклятие:
Творческий разум осилил — убил.

И замыкаю я в клетку холодную
Легкую, добрую птицу свободную,
Птицу, хотевшую смерть унести,
Птицу, летевшую душу спасти.

Вот моя клетка — стальная, тяжелая,
Как золотая, в вечернем огне.
Вот моя птица, когда-то веселая,
Обруч качает, поет на окне.

Крылья подрезаны, песни заучены.
Любите вы под окном постоять?
Песни вам нравятся. Я же, измученный,
Нового жду — и скучаю опять.

12 декабря 1913

О, нет! не расколдуешь сердца ты
Ни лестию, ни красотой, ни словом.
Я буду для тебя чужим и новым,
Все призрак, всё мертвец, в лучах мечты.

И ты уйдешь. И некий саван белый
Прижмешь к губам ты, пребывая в снах.
Всё будет спом: что ты хоронишь тело,
Что ты стоишь три ночи в головах.

Упоена красивыми мечтами,
Ты укоризны будешь слать судьбе.
Украсишь ты нежнейшими цветами
Могильный холм, приснившийся тебе.

И тень моя пройдет перед тобою
В девятый день, и в день сороковой
Неузнанной красвой, неживою.
Такой ведь ты искала? — Да, такой.

Когда же грусть твою погасит время,
Захочешь жить, сначала робко, ты
Другими снаи, сказками не теми...
И ты простой возкажешь красоты.

И он придет, знакомый, долгожданный,
Тебя будить от неземного сна.

И в мир другой, на миг благоуханный,
Тебя умчит последняя весна.

А я умру, забытый и ненужный,
В тот день, когда придет твой новый друг,
В тот самый миг, когда твой смех
жемчужный
Ему расскажет, что прошел недуг.

Забудешь ты мою могилу, имя...
И вдруг — очнешься: пусто; нет огня;
И в этот час, под ласками чужими,
Припомнишь ты и призовешь — меня!

Как исступленно ты протянешь руки
В глухую ночь, о, бедная моя!
Увы! Не долетают жизни звуки
К утешенным весной небытия.

Ты проклянешь, в мученьях невозможных,
Всю жизнь за то, что некого любить!
Но есть ответ в моих стихах тревожных:
Их тайный жар тебе поможет жить.

15 декабря 1913

ЖЕНЩИНА

Памяти Августа Стриндберга

Да, я изведала все муки,
Мечтала жадно о конце...
Но нет! Остановились руки,
Живу — с печалью на лице.

Весной по кладбищу бродила
И холмик маленький нашла.
Пусть неизвестная могила
Узнает всё, чем я жила!

Я принесла цветов любимых
К могиле на закате дня...
Но кто-то ходит, ходит мимо
И взглядывает на меня.

И этот взгляд случайно встретя,
Я в нем внимание прочла...
Нет, я одна на целом свете!...
Я отвернулась и прошла.

Или мой вид внушает жалость?
Или понравилась ему
Лица печального усталость?
Иль просто — скучно одному?...

Нет, лучше я глаза закрою:
Он строен, он печален; пусть
Не ляжет между ним и мною
Соединяющая грусть...

Но чувствую: он за плечами
Стоит, он подошел в упор...
Ему я гневными речами
Уже готовлюсь дать отпор,—

И вдруг, с мучительным усилием,
Чуть слышно произносит он:
— О, не пугайтесь. Здесь в могиле
— Ребенок мой похоронен.

Я извинилась, выражая
Печаль наклоном головы;
А он, цветы передавая,
Сказал: — Букет забыли вы.

— Цветы я в память встречи с вами
— Ребенку вашему отдал...
Он, холодно пожав плечами,
Сказал: — Они нужнее вам.

Да, я винюсь в своей ошибке,
Но... не прощу до смерти (нет!)
Той снисходительной улыбки,
С которой он смотрел мне вслед!

Август 1914

ПЕРЕД СУДОМ

Что же ты потупилась в смущеньи?
Погляди, как прежде, на меня.
Вот какой ты стала — в униженыи,
В резком, неподкупном свете дня!

Я и сам ведь не такой — не прежний,
Недоступный, гордый, чистый, злой.
Я смотрю добрей и безнадежней
На простой и скучный путь земной.

Я не только не имею права,
Я тебя не в силах упрекнуть
За мучительный твой, за лукавый,
Многим женщинам сужденный путь...

Но ведь я немного по-другому,
Чем иные, знаю жизнь твою,
Более, чем судьям, мне знакомо,
Как ты очутилась на краю.

Вместе ведь по краю, было время,
Нас водила пагубная страсть,
Мы хотели вместе сбросить бремя
И лететь, чтобы потом упасть.

Ты всегда мечтала, что, сгорая,
Догорим мы вместе — ты и я,
Что дано, в объятьях умирая,
Увидать блаженные края...

Что же делать, если обманула
Та мечта, как всякая мечта,
И что жизнь безжалостно стегнула
Грубою веревкою кнута?

Не до нас ей, жизни торопливой,
И мечта права, что нам лгала. —
Всё-таки, когда-нибудь счастливой
Разве ты со мною не была?

Эта прядь такая золотая
Разве не от старого огня? —
Страстная, безбожная, пустая,
Незабвенная... прости меня!

11 октября 1915

АНТВЕРПЕН

Пусть это время далеко,
Антверпен! — И за морем крови
Ты памятен мне глубоко...
Речной туман ползет с верховий
Широкой, как Нева, Эско.

И над спокойною рекой
В тумане теплом и глубоком,
Как взор фламандки молодой,
Нет счета мачтам, верфям, докам,
И пахнет счастью и смолой.

Тревожа водяную гладь,
В широко стелющемся дыме
Уж якоря готов отдать
Тяжелый двухмачтовый стимер:
Ему на Конго курс держать...

А ты — во мглу веков глядись
В спокойном городском музее:
Там царствует Квентин Массис;
Там в складки платья Саломеи
Цветы из золота вплелись...

Но всё — притворство, всё — обман:
Взгляни наверх... В клочке лазури,
Мелькающем через туман,
Увидишь ты предвестье бури —
Кружящийся аэроплан.

5 октября 1914

Похоронят, зароют глубоко,
Бедный холмик травой порастет,
И услышим: далёко, высоко
На земле где-то дождик идет.

Ни о чём уж мы больше не спросим,
Пробудясь от ленивого сна.
Знаем: если не громко — там осень,
Если бурно — там значит весна.

Хорошо, что в дремотные звуки
Не вступают восторг и тоска,
Что от муки любви и разлуки
Упасла гробовая доска.

Торопиться не надо, уютно;
Здесь, пожалуй, надумаем мы,
Что под жизнью беспутной и путной
Разумели людские умы.

18 октября 1915

На улице — дождик и слякоть,
Не знаешь, о чём горевать.
И скучно, и хочется плакать,
И некуда силы девать.

Глухая тоска без причины
И дум неотвязный угар.
Давай-ка, наколем лучины,
Раздуем себе самовар!

Авось, хоть за чайным похмельем
Ворчливые речи мои
Затеплят случайным весельем
Сонливые очи твои.

За верность старинному чину!
За то, чтобы жить не спеша!
Авось, и распарит кручину
Хлебнувшая чаю душа!

10 декабря 1915

Ты твердишь, что я холoden, замкнут и сух,
Да, таким я и буду с тобой:
Не для ласковых слов я выковывал дух,
Не для дружб я боролся с судьбой.

Ты и сам был когда-то мрачней и смелей,
По звездам прочитать ты умел,
Что грядущие ночи — темней и темней,
Что ночам неизвестен предел.

Вот — свершилось. Весь мир одичал, и окрест
Ни один не мерцает маяк.
И тому, кто не понял вещания звезд, —
Нестерпим окружающий мрак.

И у тех, кто не знал, что прошедшее есть,
Что грядущего ночь не пуста, —
Затуманила сердце усталость и месть,
Отвращенье скривило уста...

Было время надежды и веры большой —
Был я прост и доверчив, как ты.
Шёл я к людям с открытой и детской душой,
Не пугаясь людской клеветы...

А теперь — тех надежд не отыщешь следа,
Всё к далеким звездам унеслось.

И, к кому шел с открытой душою тогда,
От того отвернуться пришлось.

И сама та душа, что, пылая, ждала,
Треволненьям отдаваться спеша,—
И враждой, и любовью она изошла,
И сгорела она, та душа.

И остались — улыбкой сведенная бровь,
Сжатый рот и печальная власть
Бунтовать ненасытную женскую кровь,
Зажигая звериную страсть...

Не стучись же напрасно у плотных дверей,
Тщетным стоном себя не томи:
Ты не встретишь участья у бедных зверей,
Называвшихся прежде людьми.

Ты — железною маской лицо закрывай,
Поклоняясь священным гробам,
Охраняя железом до времени рай,
Недоступный безумным рабам.

9 июня 1916

Арфы и скрипки

(1908—1916)

Свириль запела на мосту,
И яблони в цвету.
И ангел поднял в высоту
Звезду зеленую одну,
И стало дивно на мосту
Смотреть в такую глубину,
В такую высоту.

Свириль поет: взошла звезда,
Пастух, гони стада...
И под мостом поет вода:
Смотри, какие быстрины,
Оставь заботы навсегда,
Такой прозрачной глубины
Не видел никогда...
Такой глубокой тишины
Не слышал никогда...

Смотри, какие быстрины,
Когда ты видел эти сны?...

22 мая 1908

В. Пасту

Май жестокий с белыми ночами!
Вечный стук в ворота: выходи!
Голубая дымка за плечами,
Неизвестность, гибель впереди!
Женщины с безумными очами,
С вечно смятой розой на груди! —
Пробудись! Пронзи меня мечами,
От страстей моих освободи!

Хорошо в лугу широким кругом
В хороводе пламенном пройти,
Пить вино, смеяться с милым другом
И венки узорные плести,
Раздарить цветы чужим подругам,
Страстью, грустью, счастьем изойти, —
Но достойней за тяжелым п —
В свежих росах по утру пти!

28 мая 1908

ТРИ ПОСЛАНИЯ

В.

1

Всё помнит о весле вздыхающем
Мое блаженное плечо...
Под этим взором убегающим
Не мог я вспомнить ни о чём...

Твои движения несмелые,
Неверный поворот руля...
И уходящий в ночи белые
Неверный призрак корабля...

И в ясном море утопающий
Печальный стан рыбачьих шхун...
И в золоте восходном тающий
Бесцельный путь, бесцельный выон..

28 мая 1908

2

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением вежним
Мне поет о южных ночных.

В легком сердце — страсть и беспечность,
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыханье,
Опьяняющие губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поделуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Февраль 1910

3

Знаю я твое льстивое имя,
Черный бархат и губы в огне,
Но стоят за плечами твоими
Иногда неизвестное мне.

И ложится упорная гневность
У меня меж бровей на челе:
Она жжет меня, черная ревность
По твоей незнакомой земле.

И готовый на новые муки,
Вспоминаю те выюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга.

18 ноября 1910

МЭРИ

1

Опять у этой двери
Оставила коня
И пухом светлых перий
Овеяла меня,
И профиль прежней Мэри
Горит на склоне дня.

Опять затепли свечи,
Укрась мое жилье,
Пусть будут те же речи
Про вольное житье,
Твои высокие плечи,
Безумие мое!

Последней страсти ярость,
В тебе величье есть:
Стучащаяся старость
И близкой смерти весть...
О, зрелой страсти ярость,
Тебя не перенесть!

2

Жениха к последней двери
Проводив,

О негаданной потере
Погрустив,
Встала Мэри у порога,
Грустно смотрит на дорогу,
Звезды ранние зажглись,
Мэри смотрит ввысь.

Вон о той звезде далекой,
Мэри, спой.
Спой о жизни одиноко
Прожитой...
Спой о том, что не совершил он,
Для чего от нас спешил о
В незнакомый, тихий край,
В песнях, Мэри, вспоминай...

Тихо пой у старой двери,
Нежной песне мы поверим,
Погрустим с тобою, Мэри.

Мы о Мэри грустим и поем,
А вверху, в водоеме твоем,
Тихий господи,
И не счастье светлых рос,
Не заплести желтых кос
Тучки утренней.

7 июля 1908

3

Косы Мэри распущены,
Руки опущены,
Слезы уронены,
Мечты похоронены.

И рассыпалась грусть
Жемчугами...
Мы о Мэри твердим наизусть
Золотыми стихами...

Я пригвожден к трактирной стойке.
Я пьян давно. Мне всё — равно.
Вон счастье мое — на тройке
В сребристый дым унесено...

Летит на тройке, потонуло
В снегу времен, в дали веков...
И только душу захлестнуло
Сребристой мглой из-под подков...

В глухую темень искры мечет,
От искр всю ночь, всю ночь светло...
Бубенчик под дугой лепечет
О том, что счастье прошло...

И только сбруя золотая
Всю ночь видна... Всю ночь слышина...
А ты, душа... душа глухая...
Пьяным пьяна... пьяным пьяна...

26 октября 1908

Часовая стрелка близится к полночи.
Светлою волною всколыхнулись свечи.
Темною волною всколыхнулись думы.
С Новым Годом, сердце! Я люблю вас
тайно,

Вечера глухие, улицы немые.
Я люблю вас тайно, темная подруга
Юности порочной, жизни дрогревшей.

4 ноября 1908

Всё б тебе желать веселья,
Сердце, золото мое!
От похмелья до похмелья,
От приволья вновь к приволью —
Беспечальное житье!

Но низка земная келья,
Бледно золото твое!
В час разгульного веселья
Вдруг намашет страшной болью,
Черным крыльем воронье!

Всё размучен я тобою,
Подколодная змея!
Синечерною косою
Мила друга оплетая,
Ты моя и не моя!

Ты со мной и не со мною —
Рвешься в дальние края!
Оплетешь меня косою
И услышишь, замирая,
Мертвый окрик воронья!

7 декабря 1908

Опустись, занавеска линялая,
На больные герани мои.
Сгинь, цыганская жизнь небывалая,
Погаси, сомкни очи твои!

Ты ли, жизнь, мою горницу скудную
Убирая степным ковылем!
Ты ли, жизнь, мою сонь непробудную
Зеленым отравляла вином!

Как дыганка, платками узорными
Расстилалася ты предо мной,
Ой-ли косами иссиня-черными,
Ой-ли бурей страстей огневой!

Что рыдалось мне в шопоте, в забытьи,
Неземные-ль какие слова?
Сам не свой только был я, без памяти,
И ходила кругом голова...

Спалена моя степь, трава свалена,
Ни огня, ни звезды, ни пути...
И кого деловал — не моя вина,
Ты, кому обещался, — прости...

30 декабря 1908

Мой милый, будь смелым
И будешь со мной.

Я вишенем белым
Качнусь над тобой.

Зеленою звездою
С востока блесну,

Студеной волною
На панцырь плесну,

Русалкою вольной
Явлюсь над ручьем,

Нам вольно, нам больно,
Нам сладко вдвоем.

Нам в темные ночи
Легко умереть

И в мертвые очи
Друг другу глядеть.

1 января 1909

ЧЕРЕЗ ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ

К. М. С.

1

Всё та же озерная гладь,
Всё так же каплет соль с градирен.
Теперь, когда ты стар и милен,
О чём волнуешься опять?

Иль первой страсти юный гений
Ещё с душой неразлучен,
И ты навеки обручен
Той давней, незабвенной тени?

Ты позови — она придет:
Мелькнет, как прежде, профиль
важный,
И голос, вкрадчиво-протяжный,
Слова бывальные шепнет.

Июнь 1909

2

В темном парке под ольхой
В час полуночи глухой

Белый лебедь от весла
Спрятал голову в крыла.

Весь я — память, весь я — слух,
Ты со мной, печальный дух,

Знаю, вижу — вот твой след,
Смытый бурей стольких лет.

В тёнях траурной ольхи
Сладко дышат мне духи,

В листьях матовых шурша,
Шелестит еще душа,

Но за бурей страстных лет —
Всё, как призрак, всё, как бред,

Всё, что было, всё прошло,
В прудовой туман ушло.

Июнь 1909

3

Когда мучительно восстали
Передо мной дела и дни,
И сном глубоким от печали
Забылся я в лесной тени, —

Не знал я, что в лесу девичьем
Проходит память прежних дней,
И, пробудясь в игре теней,
Услышал ясно в пенях птичье:

— Внимай страстям, и верь, и верь,
— Зови их всеми голосами,
— Стучись полночными часами
— В блаженства замкнутую дверь!

Июнь 1909

4

Синеокая, бог тебя создал такой.
Гений первой любви надо мной,

Встал он тихий, дождями омытый,
Заневает осой ядовитой,

Разметает он прошлого след,
Ему легкого имени нет,

Вижу снова я тонкие руки,
Снова слышу гортанные звуки.

И в глубокую глаз синеву
Погружаюсь опять наяву.

1897—1909

5

Бывают тихие минуты:
Узор морозный на стекле;
Мечта невольно льнет к чему-то,
Скучая в комнатном тепле...

И вдруг — туман сырого сада,
Железный мост через ручей,
Вся в розах серая ограда,
И спиной, синий плечо очей...

О чём-то шепчущие струп,
Кружкающаяся голова...
Твои, хохлюшка, поцелуй,
Твои гортанные слова...

Июнь 1909

6

В тихий вечер мы встречались
(Сердце помнит эти сны).
Дерева едва венчались
Первой зеленью весны.

Ясным заревом алее,
Уводила вдоль пруда
Эта узкая аллея
В сны и тени навсегда.

Эта юность, эта нежность —
Что для нас она была?
Всех стихов моих мягкость
Не она ли создала?

Сердце занято мечтами,
Сердце помнит долгий срок,
Поздний вечер над прудами,
Раздущенный ваш платок.

23 марта 1910

7

Уже померкла ясность взора,
И скрипка под смычек легла,
И злая воля дирижера
По арфам ветер пронесла...

Твой очерк страстный, очерк дымный
Сквозь сумрак ложи пыл ко мне,
И тенор пел на сцене гимны
Безумным скрипкам и весне...

Когда внезапно вздох недальный,
Домчавшись, кровь оледенил,
И кто-то бедный и печальный
Мне к сердце руку прислонил...

Когда в гаданья, еле зримый,
Встал предо мной, как редкий дым,
Тот призрак, тот непобедимый...
И арфы спели: улетим.

Март 1910

8

Всё, что память сберечь мне старается,
Пропадает в безумных годах,
Но горящим зигзагом взвивается
Эта повесть в ночных небесах.

Жизнь давно сожжена и рассказана,
Только первая снится любовь,

Как бесценный ларец перевязана
Накрест лентою алой, как кровь.

И когда в тишине моей горницы
Под лампадой томлюсь от обид,
Синий призрак умершей любовницы
Над кадилом мечтаний сквозит.

23 марта 1910

УТРО В МОСКВЕ

Упоительно встать в ранний час,
Легкий след на песке увидать.
Упоительно вспомнить тебя,
Что со мною ты, прелесть моя.

Я люблю тебя, панна моя,
Беззаботная юность моя,
И прозрачная нежность Кремля
В это утро, как прелесть твой.

Июль 1909

Как прощались, страстно клялись
В верности любви...
Вместе таин приобщались,
Пели соловьи...

Взял гитару на прощанье
И у струн исторг
Все признанья, обещанья,
Всей души восторг...

Да тоска заполонила,
Порвалась струна...
Не звала б, да не манила
Дальня сторона!

Вспоминай же, ради бога,
Вспоминай меня,
Как седой туман из лога
Встанет до плетня...

5 сентября 1909

Всё на земле умрет — и мать, и младость,
Жена изменит и покинет друг.
Но ты учись вкушать иную сладость,
Глядясь в холодный и полярный круг.

Бери свой член, плыви на дальний полюс
В стенах из льда — и тихо забывай,
Как там любили, гибли и боролись...
И забывай страстей бывалый край.

И к вздрагиваньям медленного хлада
Усталую ты душу приучи,
Чтоб было здесь ей ничего не надо,
Когда оттуда ринутся лучи.

7 сентября 1909

ГОЛОСА СКРИПОК

Евг. Иванову

Из длинных трав встает луна
Щитом краснеющим героя,
И буйной музыки волна
Плеснула в море заревое.

Зачем же в ясный час торжеств
Ты злишься, мой смычок визгливый,
Врывааясь в мировой оркестр
Отдельной песней торопливой?

Учись вниманию длинных трав,
Разлейся в море зорь бесцельных,
Протяжный голос свой послав
В отчизну скрипок запредельных.

Февраль 1910

Когда-то гордый и надменный,
Теперь с цыганкой я в раю,
И вот — прошу ее смиренно:
«Спляши, цыганка, жизнь мою».

И долго длится пляс ужасный,
И жизнь проходит предо мной
Безумной, сонной и прекрасной
И отвратительной мечтой...

То кружится, закинув руки,
То поползет змеей, — и вдруг
Вся замерла в истоме скуки,
И бубен падает из рук...

О, как я был богат когда-то,
Да всё — не стоит пятака:
Вражда, любовь, молва и злато,
А пуще — смертная тоска.

11 июля 1910

Где отдаётся в длинных залах
Безумных троек тихий лёт,
Где вина теплятся в бокалах,—
Там возникает хоровод.

Шурша, звения, вилясь, белея,
Идут по медленным кругам;
И скрипки, тая и слабея,
Сдаются бешеным смычкам.

Одна выходит прочь из круга,
Простерши руку в полуиглу;
Избрав назначенного друга,
Цветок роняет на полу.

Не поднимай цветка: в нем сладость
Забвенья всех прошедших дней,
И вся неистовая радость
Грядущей гибели твоей!...

Там всё — игра огня и рока,
И только в горький час обид
Из невозвратного далека
Печальный ангел просквозит...

19 июля 1910

В неуверенном, зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис.
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О, стальная, бесстрастная птица,
Чем ты можешь прославить творца?

В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.

Ноябрь 1910

Без слова мысль, волненье без названья,
Какой ты шлешь мне знак,
Вдруг взбороздив мгновенной молней
Глухой декабрьский мрак?

Всё призрак здесь — и праздность, и забота,
И горькие года...
Что б ни было, — ты помни, вспомни что-то,
Душа... (когда? когда?)

Что бы ни было, всю ложь, всю мудрость
века,
Душа, забудь, оставь...
Снам бытия ты предпочла отвека
Несбыточную явь...

Чтобы сквозь сны бытийственных метаний,
Сбивающих с пути,
Со знанием несказанных очертаний,
Как с факелом, пройти.

Декабрь 1911

Ветр налетит, завеет снег,
И в памяти на миг возникнет
Тот край, тот отдаленный берг...
Но цвет увал, под снегом никнет...

И шелестят травой сухой
Мои старинные болезни...
И ночь. И в ночь — тропой глухой
Иду к прикрытой снею бездне...

Ночь, лес и снег. И я несу
Постыдливый груз воспоминаний...
Вдруг — малый домик на поляне,
И девочка поет в лесу.

6 января 1912

Борису Садовскому

Шар раскаленный, золотой
Пошлет в пространство луч
огромный,
И длинный конус тени темной
В пространство бросит шар другой.

Таков наш безнечальный мир.
Сей конус — наша ночь земная.
За ней — опять, опять эфир
Планета плавит золотая...

И мне страшны, любовь моя,
Твои сияющие очи:
Ужасней дня, страшнее ночи
Сияние небытия.

6 января 1912

Сквозь серый дым от краю и до краю
Багряный свет
Зовет, зовет к неслыханному раю,
Но рай — нет.

О чём в сей мгле безумной, красно-серой,
Колокола —
О чём гласят с несбыточною верой?
Ведь, мгла — всё мгла.

И чём он громче спорит с мглою будней,
Сей праздный звон,
Тем кажется железней, непробудней
Мой мертвый сон.

30 апреля 1912

Есть минуты, когда не тревожит
Роковая нас жизни гроза.
Кто-то на плечи руки положит,
Кто-то ясно заглянет в глаза...

И мгновенно житейское канет,
Словно в темную пропасть без дна...
И над пропастью медленно встанет
Семид цветной дугой тишина...

И напев заглушенный и юный
В затаенной затронет тиши
Усиленные жизнию струны
Напряженной, как арфа, души.

Июль 1912

Болотистым, пустынным лугом
Летим. Одни.
Вон, точно карты, полукругом
Расходятся огни.

Гадай, дитя, по картам ночи,
Где твой маяк...
Еще смелей нам хлынет в очи
Неотвратимый мрак.

Он морем ночи замкнут — дальний
Простор лугов!
И запах горький и печальный
Туманов и духов,

И кольца сквозь перчатки тонкой,
И строгий вид,
И эхо над пустыней звонкой
От цоканья копыт —

Всё говорит о беспредельном,
Всё хочет нам помочь,
Как этот мир, лететь бесцельно
В сияющую ночь!

Октябрь 1912

В небе — день, всех ночей суеверней,
Сам не знает, он — ночь, или день.
На лице у подруги вечерней
Золотится неясная тень.

Но рыбак эти сонные струи
Не будил еще взмахом весла...
Огневые ее поцелуи
Говорят мне, что ночь — не прошла...

Легкий ветер повеял нам в очи...
Если можешь, костер потуши!
Потуши в сумасшедшие ночи
Распылавшийся уголь души!

Октябрь 1912

СЕДОЕ УТРО

Утро туманное, утро седое...
Тургенев

Утреет. С богом! По домам!
Позывкают колокольцы.
Ты хладна жмешь к моим губам
Свои серебряные кольцы,
И я — который раз под ряд —
Целую кольцы, а не руки...
В плече, откинутом назад, —
Задор свободы и разлуки,
Но, еле видная за мглой,
За дождевою, за докучной...
И взгляд, как уголъ под золой,
И голос утренний и скучный...
Нет, жизнь и счастье до утра
Я находил не в этом взгляде!
Не этот голос пел вчера
С гитарой вместе на эстраде!...
Как мальчик, шаркнула; поклон
Отвешивает... «До свиданья...»
И звякнул о браслет жетон
(Какое-то воспоминанье)...
Я, молча, на нее гляжу,
Сжимаю пальцы ей до боли...
Ведь нам уж не встречаться боле...

Что ж на прощанье ей скажу?..
— Прошай, возьми еще колечко.
— Оденешь рученку свою
— И смуглое свое сердечко
— В серебряную чешую...
— Лети, как пролетала, тая,
— Ночь огневая, ночь былая...
— Ты, время, память притуши,
— А путь снежком запороши.

29 ноября 1913

Есть времена, есть дни, когда
Ворвется в сердце ветер снежный,
И не спасет ни голос нежный,
Ни безмятежный час труда...

Испуганной и дикой птицей
Летишь ты, но заря — в крови...
Тоскою, страстью, огнвицей
Идет безумие любви...

Пол-сердца — туча грозовая,
Под ней — всё глушь, всё немота,
И эта — прежняя, простая —
Уже другая, уж не та...

Темно, и весело, и душино,
И, задыхаясь, не дыша,
Уже во всем другой послушна
Доселе гордая душа!

22 ноября 1913

Натянулись гитарные струны,
Сердце ждет.
Только тронь его голосом юным —
Запоет!

И старик перед хором
Уже топнул ногой.
Обожги меня голосом, взором,
Ксюша, пой!

И гортанные звуки
Понеслись,
Словно в сёлебре смуглые руки
Обвились...

Бред безумья и страсти,
Бред любви...
Невозможное счастье!
На! Лови!

19 декабря 1913

Ты — буйный зов рогов призывных,
Влекущий на неверный след,
Ты — серый ветер рек разливных,
Обмачивый болотный свет.

Люблю тебя, как посох — странник,
Как воин — милую в бою,
Тебя провидку, как изгнаник
Провидит родину свою.

Но лик твой мне незрим, неведом,
Твоя непостижима власть:
Ведя меня, как вождь, к победам,
Испепелляешь ты, как страсть.

Декабрь 1913

Петербургские сумерки снежные.
Взгляд на улице, розы в дому...
Мысли — точно у девушки нежные,
А о чём, — и сама не пойму...

Всё гляжуясь в мое зеркало сонное...
(Он, должно быть, глядится в окно...)
Вон лицо мое — злое, влюбленное!
Ах, как мне надоело оно!...

Запевания низкого голоса,
Снежно-белые руки мои,
Мои тонкие рыжие волосы, —
Как давно они стали ничьи!

Муж ушел. Свет такой безобразный...
Всё-же кровь розовеет на свет...
Посмотрю-ка, он там или нет?
Так и есть... ах, какой неотвязный!

15 марта 1914

Превратила всё в шутку сначала,
Поняла — принялась укорять,
Головою красивой качала,
Стала слезы платком вытирать.

И зубами дразня, хохотала,
Неожиданно всё позабыв.
Вдруг припомнила всё — зарыдала,
Десять шпилек на стол уронив.

Подурнела, пошла, обернулась,
Воротилась, чего то ждала,
Проклинала, спиной повернулась,
И, должно быть, на веки ушла...

Что ж, пора приниматься за дело,
За старинное дело свое. —
Неужели и жизнь отшумела,
Отшумела, как платье твое?

29 февраля 1916

Была ты всех ярче, верней и прелестней,
Не кляни же меня, не кляни!
Мой поезд летит, как цыганская песня,
Как те невозвратные дни...

Что было любимо, — всё мимо, мимо...
Впереди — неизвестность пути...
Благословенно, неизгладимо,
Невозвратимо... прости!

31 августа 1914

Он занесен — сей жезл железный —
Над нашей головой. И мы
Летим, летим над грозной бездной
Среди сгущающейся тьмы.

Но чем полет неукротимей,
Чем ближе веянье конца,
Тем лучезарнее, тем зоримей
Сияние Ее Лица.

И сквозь круженье вихревое,
Сынам отчаянья сквозя,
Ведет, уводит в голубое
Едва приметная стезя.

3 декабря 1914

Пусть я и жил, не любя,
Пусть я и клятвы нарушу,
Всё ты волнуешь мне душу,
Где бы ни встретил тебя!

О, эти дальние руки!
В тусклое это житье
Очарованье свое
Вносишь ты, даже в разлуке!

И в одиноком моем
Доме, пустом и холодном,
В сне, никогда не свободном,
Снится мне брошенный дом.

Старые снятся минуты,
Старые снятся года...
Видно, уж так навсегда
Думы тобою замкнуты!

Кто бы ни звал — не хочу
На суетливую нежность
Я променять безнадежность
И, замыкаясь, молчу.

8 октября 1915

За горами, лесами,
За дорогами пыльными,
За холмами могильными —
Под другими цветешь небесами...

И когда забелеет гора,
Дол оденется зеленью вешнею,
Вспоминаю с печалью нездешнею
Всё былое мое, как вчера...

В снах печальных тебя узнаю
И сжимаю руками моими
Чародейную руку твою,
Повторяя далекое имя.

30 сентября 1915

Кармен

(1914)

И. А. Д.

---

*Как океан меняет цвет,
Когда в погроможденной туче
Вдруг полыхнет мигнувший свет, —
Так сердце под грозой погулей
Меняет строй, боясь вздохнуть,
И кровь бросается в ланиты,
И слезы счастья душат грудь
Перед явлением Карменисты.*

4 марта 1914

*На небе — празелень, и месяца осколок
Омыт, в лазури спит, и ветер, чуть дыша,
Проходит, и весна, и лед последний колок.
И в сонный входит вихрь смятенная душа...*

*Что месяца нежней, чтоб зорь закатных
выше?
Знай про себя, молчи, друзьям не говори:
В последнем этаже, там, под высокой
крыше
Окно, горящее не от одной зари...*

4 марта 1914

Есть демон утра. Дымно-светел он,
Золотокудрый и счастливый.
Как небо, синь струящийся хитон,
Весь — перламутра переливы.

Но, как ночною тьмой сквозит лазурь,
Так этот лик сквозит порой ужасным,
И золото кудрей — червонно-красным
И голос — рокотом забытых бурь.

24 марта 1914

Бушует снежная весна.
Я отвожу глаза от книги...
О, страшный час, когда она,
Читая по руке Цуниги,
В глаза Хозе метнула взгляд!
Насмешкой засветились очи,
Блеснул зубов жемчужный ряд,
И я забыл все дни, все ночи,
И сердце захлестнула кровь,
Смывая память об отчизне...
А голос пел: *Ценою элизии*
Ты мне заплатишь за любовь!

18 марта 1914

Среди поклонников Кармен,
Спешащих пестрою толпою,
Ее зовущих за собою,
Один, как тень у серых стен
Ночной таверны Лиллас-Пастья,
Молчит и сумрачно глядит,
Не ждет, не требует участья,
Когда же бубен зазвучит,
И глухо зазвенят запястья, —
Он вспоминает дни весны,
Он средь бушующих созвучий
Глядит на стан ее певучий
И видит творческие сны.

26 марта 1914

Сердитый взор бесцветных глаз.
Их гордый вызов, их презренье.
Всех линий — таянье и пенье.
Так я Вас встретил в первый раз.
В партере — ночь. Нельзя дышать.
Нагрудник черный близко, близко...
И бледное лицо... и прядь
Волос, спадающая низко...
О, не впервые странных встреч
Я испытал немую жуткость!
Но этих нервных рук и плеч
Почти пугающая чуткость...
В движениях гордой головы
Прямые признаки досады...
(Так на людей из-за ограды
Угрюмо взглядывают львы).
А там, под круглой лампой, там
Уже замолкла сегидия,
И злость, и ревность, что не к Вам
Идет влюбленный Эскамильо,
Не Вы возьметесь за тесьму,
Чтобы убавить свет ненужный,
И не блеснет уж ряд жемчужный
Зубов — несчастному тому...
О, не глядеть, молчать — нет мочи,
Сказать — не надо и нельзя...
И Вы уже (звездой средь ночи),

Скользящей поступью скользя,
Идете — в поступи истома,
И песня Ваших нежных плеч
Уже до ужаса знакома,
И сердцу суждено беречь,
Как память об иной отчизне, —
Ваш образ, дорогой навек...

А там: *Уйдем, уйдем от жизни,*
Уйдем от этой грустной жизни!
Кричит погибший человек...

И март наносит мокрый снег.

25 марта 1914

Вербы — это весенняя таль,
И чего-то нам светлого жаль,
Значит — теплится где-то свеча,
И молитва моя горяча,
И целую тебя я в плеча.

Этот колос ячменный — поля,
И заливистый крик журавля,
Это значит — мне ждать у плетня
До заката горячего дня.
Значит — ты вспоминаешь меня.

Розы — страшен мне цвет этих роз,
Это — рыжая ночь твоих кос?
Это — музыка тайных измен?
Это — сердце в пленау Кармен?

30 марта 1914

В том раю тишина бездыханна,
Только в куде сплетенных ветвей
Дивный голос твой низкий и странный,
Славит бурю дыганских страстей.

28 марта 1914

Ты, как отзвук забытого гимна
В моей черной и дикой судьбе.
О, Кармен, мне печально и дивно,
Что приснился мне сон о тебе.

Вешний трепет, и лепет, и шелест,
Непробудные дикие сны,
И твоя одичалая прелесть —
Как гитара, как бубен весны!

И проходишь ты в думах и грезах,
Как царица блаженных времен,
С головой, утопающей в розах,
Погруженная в сказочный сон.

Спиши, змею склоняясь прихотливой,
Спиши в дурмане и видишь во сне
Даль морскую и берег счастливый,
И мечту, недоступную мне.

Видишь день беззакатный и жгучий
И любимый, родимый свой край,
Синий, синий, певучий, певучий,
Неподвижно-блаженный, как рай.

Что ты, когда-нибудь, украдкой
Помыслишь обо мне...

За бурей жизни, за тревогой,
За грустью всех измен,
Пусть эта мысль предстанет строгой,
Простой и белой, как дорога,
Как дальний путь, Кармен!

28 марта 1914

*O, да, любовь сольна, как птица,
Да, всё равно, — я твой!
Да, всё равно мне будет сниться
Твой стан, твой огневой!*

*Да, в хищной силе рук прекрасных,
В очах, где грусть измен,
Весь бред моих страстей напрасных,
Моих ночей, Кармен!*

*Я буду петь тебя, я небу
Твой голос передам!
Как иерей, свершу я требу
За твой огонь — звездам!*

*Ты встанешь бурною волною
В реке моих стихов,
И я с руки моей не смою,
Кармен, твоих духов...*

*И в тихий час ночной, как пламя
Сверкнувшее на миг,
Блеснет мне белыми зубами
Твой неотступный лик.*

*Да, я томлюсь надеждой сладкой,
Что ты, в чужой стране,*

И в зареве его — твоя безумна младость...
Всё — музыка и свет: нет счастья, нет

измен...

Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

31 марта 1914

Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь.
Так вот что так влекло сквозь бездну
грустных лет,
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не
избудишь.
Вот почему я — твой поклонник и поэт!

Здесь — страшная печать отверженности
женской
За прелесть дивную — постичь ее нет сил.
Там — дикий сплав миров, где часть души
вселенской
Рыдает, исходя гармонией светил.

Вот — мой восторг, мой страх в тот вечер
в темном зале!
Вот, бедная, зачем тревожусь за тебя!
Вот чьи глаза меня так странно провожали,
Еще не угадав, не зная... не любя!

Сама себе закон — летишь, летишь ты мимо,
К созвездиям иным, не ведая орбит,
И этот мир тебе — лишь красный облак
дыма,
Где что-то жжет, поет, тревожит и горит!

Соловьиный сад

(1915)

1

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на плиском дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, — и к морю опять
Нас ведут волосатые ноги,
И осел начинает кричать.

И кричит, и трубит он, — отрадно,
Что идет налегке хоть назад.
А у самой дороги — прохладный
И тенистый раскинулся сад.

По ограде высокой и длинной
Лишних роз к нам свисают цветы.
Не смолкает напев соловьиний,
Что-то шепчут ручьи и листы.

Крик осла моего раздается
Каждый раз у садовых ворот.
А в саду кто-то тихо смеется,
И потом — отойдет и поет.

И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

2

Знойный день догорает бесследно,
Сумрак ночи ползет сквозь кусты;
И осел удивляется, белый:
— Что, хозяин, раздумался ты?

Или разум от зноя мутится,
Замечтался ли в сумраке я?
Только всё неотступнее снится
Жизнь другая — моя, не моя...

И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду,
Повторяя напев неизвестный,
В соловьином звенящий саду?

Не доносятся жизни проклятья
В этот сад, обнесенный стеной,
В синем сумраке белое платье
За решоткой мелькает резной.

Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И кружением, и пеньем зовет.

И в призывном круженьи и пеньк
Я забытое что-то ловлю,
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

3

Отдыхает осел утомленный,
Брошен лом на песке под скалой.
А хозяин блуждает влюбленный
За ночью, за знойною мглой.

И знакомый, пустой, каменистый,
Но сегодня — таинственный путь
Вновь приводит к ограде тенистой,
Убегающей в сиюю муть.

И томление всё безъисходней,
И идут за часами часы,
И колючие розы сегодня
Опустились под тягой росы.

Наказанье ли ждет иль награда,
Если я уклонюсь от пути?
Как бы в дверь соловьиного сада
Постучаться, и можно ль войти?

А уж прошлое кажется странным,
И руке не вернуться к труду:
Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

4

Правду сердце мое говорило,
И ограда была не страшина.
Не стучал я — сама отворила
Неприступные двери она.

Вдоль прохладной дороги, меж лилий
Однозвучно запели ручьи,
Сладкой песнью меня оглушили,
Взяли душу мою соловьи.

Чуждый край незнакомого счастья
Мне открыли обятия те,
И звенели, спадая, заистья
Громче, чем в моей ницкой мечте.

Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.

5

Пусть укрыла от дольнего горя
Утонувшая в розах стена,—
Заглушить рокотание моря
Соловьиная песнь не вольна!

И вступившая в пенье тревога
Рокот волн до меня донесла...
Вдруг — виденье: большая дорога
И усталая поступь осла...

И во мгле благовонной и знойной
Обвивалась горячей рукой,
Повторяет она беспокойно:
— Что с тобою, возлюбленный мой?

Но, вперяясь во мглу спротиво,
Надышаться блаженством спеша,
Отдаленного шума прилива
Уж не может не слышать душа.

6

Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.
Спит она, улыбаясь, как лети,—
Ей пригрезился сон про меня.

Как под утренним сумраком чарым
Лик, прозрачный от страсти, красив!...
По далеким и мерным ударам
Я узнал, что подходит прилив.

Я окно распахнул голубое,
И почудилось, будто возник
За далеким рычаньем прибоя
Призывающий жалобный крик.

Крик осла был протяжен и долог,
Проникал в мою душу, как стон,
И тихонько задернул я полог,
Чтоб продлить очарованный сон.

И, спускаясь по камням ограды,
Я нарушил цветов забытье.
Их шипы, точно руки из сада,
Уцепились за платье мое.

7

Путь знакомый и прежде недлинный
В это утро кремнист и тяжел.
Я вступаю на берег пустынnyй,
Где остался мой дом и осел.

Или я заблудился в тумане?
Или кто-нибудь шутит со мной?
Нет, я помню камней очертанье,
Тощий куст и скалу над водой...

Где же дом? — И скользящей ногою
Спотыкаюсь о брошенный лом,
Тяжкий, ржавый, под черной скалою
Затянувшийся мокрым песком...

Размахнувшись движеньем знакомым
(Или всё еще это во сне?),
Я ударил заржавленным ломом
По слоистому камню на дне....

И оттуда, где серые спруты
Покачнулись в лазурной щели,
Закарабкался краб всполохнутый
И присел на песчаной мели.

Я подвинулся, — он приподнялся,
Широко разевая клешни,
Но сейчас же с другим повстречался,
Подрались и прошли они...

А с тропинки, протоптанной мною,
Там, где хижина прежде была,
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоняя чужого осла.

Родина
(1907—1916)

Ты отошла, и я в пустыне
К песку горячему проник.
Но слова гордого отныне
Не может вымолвить язык.

О том, что было, не жалея,
Твою я понял высоту:
Да. Ты — родная Галилея
Мне — невоскресшему Христу.

И пусть другой тебя ласкает,
Пусть множит дикую ловью:
Сын Человеческий не знает,
Где приклонить ему главу.

30 мая 1907

В густой траве пропадешь с головою
В тихий дом войдешь, не стучась...
Обнимет рукой, оплетет косой
И, статная, скажет: — Здравствуй, князь!

- Вот здесь у меня — куст белых роз.
  - Вот здесь вчера — повишика виляла.
  - Где был, пропадал? что за весть
принес?
  - Кто любит, не любит, кто гонит нас?

Как бывало, забудешь, что дни идут,
Как бывало, простишь, кто горд и зол.
И смотришь — тучи вдали встают,
И слушаешь песни далеких сел...

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовет и манит...
Только скажет: — Прощай. Вернись
ко мне.

И опять за травой колокольчик звенит...

12 NOV 1907

Задебренные лесом кручи:
Когда-то там, на высоте,
Рубили деды сруб горючий
И пели о своем Христе.

Теперь пастуший кнут не свистнет,
И песни не споет свирель.
Лишь мох сырой с обрыва виснет,
Как ведьмы сбитая кудель.

Навеки непробудью тенью
Ресницы мхов опущены,
Спят, убаюканные ленъю
Людской врагини — тишины.

И человек печальной цапли
С болотной кочки не спугнет,
Но в каждой тихой, ржавой капле —
Зачало рек, озер, болот.

И капли ржавые, лесные,
Родясь в глухи и темноте,
Несут испуганной России
Весть о сжигающем Христе.

29 августа 1914

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

1

Река раскинулась. Течет, грустит лениво
И моет берега.
Над скучной глиной желтого обрыва
В степи грустят стога.

О Русь моя! Жена моя! До боли
Нам ясен долгий путь!
Наш путь — стрелой татарской древней
Пронзил нам грудь. воли

Наш путь — степной, наш путь — в тоске
безбрежной,
В твоей тоске, о Русь!
И даже мглы — ночной и зарубежной —
Я не боюсь.

Пусть ночь. Домчимся. Озарим кострами
Степную даль.
В степном дыму блеснет святое знамя
И ханской сабли сталь...

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...

Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

И нет конца! Мелькают версты, кручи...
Останови!
Идут, идут испуганные тучи,
Закат в крови!

Закат в крови! Из сердца кровь струится!
Плачь, сердце, плачь...
Покоя нет! Степная кобылица
Несется вскачь!

7 июня 1908

2

Мы, сам друг, над степью в полночь стали:
Не вернуться, не взглянуть назад.
За Непрядвой лебеди кричали,
И опять, опять они кричат...

На пути — горючий белый камень.
За рекой — поганая орда.
Светлый стяг над нашими полками
Не взыграет больше никогда.

И, к земле склонившись головою,
Говорит мне друг: — Остри свой меч,
— Чтоб не даром биться с татарвою,
— За святое дело мертвым лечь!

Я — не первый воин, не последний;
Долго будет родина больна.

Помяни-ж за раннею обедней
Мила друга, светлая жена!

8 июня 1908

3

В ночь, когда Мамай залег с ордою
Степи и мосты,
В темном поле были мы с Тобою.—
Разве знала Ты?

Перед Доном темным и зловещим,
Средь ночных полей,
Слышал я Твой голос сердцем веющим
В криках лебедей.

С полуночи тучей возносилась
Княжеская рать,
И вдали, вдали о стремя билась,
Голосила мать.

И, чертя круги, ночные птицы
Реяли вдали.
А над Русью тихие зарницы
Князя стерегли.

Орлий клекот над татарским станом
Угрожал белой,
А Непрядва убралась туманом,
Что книжна фатой.

И с туманом над Непрядвой спящей,
Прямо на меня

Ты сошла, в одежде свет струящей,
Не спугнув коня.

Серебром волны блеснула другу
На стальном мече,
Освежила пыльную кольчугу
На моем плече.

И когда на утро, тучей черной,
Двинулась орда,
Был в щите Твой лик нерукотворный
Светел навсегда.

14 июня 1908

4

Опять с вековою тоскою
Пригнулись к земле ковыли.
Опять за туманной рекою
Ты кличешь меня издали...

Умчались, прошли без вести
Степных кобылиц табуны,
Развязаны дикие страсти
Под игом ущербной луны.

И я с вековою тоскою,
Как волк под ущербной луной,
Не знаю, что делать с собою,
Куда мне лететь за тобой!

Я слушаю рокоты сечи
И трубные крики татар,

Я вижу над Русью далече
Широкий и тихий пожар.

Объятый ток ою могучей,
Я рыщу на белом коне...
Встречаются вольные тучи
Во мглистой ночной вышине.

Вздымаются светлые мысли
В растерзанном сердце моем,
И падают светлые мысли,
Сожженные темным огнем...

— Явись, мое дивное диво!
— Быть светлым меня научи!
Бздымается конская грива...
За ветром взывают мечи...

31 июля 1908

5

И мглою бед неотразимых
Грядущий день заволокло.

Вл. Соловьев

Опять над полем Куликовым
Взошла и расточилась мгла,
И, словно облаком суровым,
Грядущий день заволокла.

За тишиною непробудной,
За разливающейся мглой
Не слышно грома битвы чудной,
Не видно молны боевой.

Но узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней!
Над вражьим станом, как бывало,
И плеск, и трубы лебедей.

Не может сердце жить покоем,
Не даром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал. — Молись!

23 декабря 1908

РОССИЯ

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые, —
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею,
И крест свой бережно несу...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет, —
Не пропадешь, не сгинешь ты
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну, что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика! ...

18 октября 1908

Вот он, ветер,
Звенищий тоскою острожной,
Над бескрайною топью
Огонь невозможный,
Распростершийся призрак
Бетлы придорожной...

Вот, что ты мне сулила:
Могила.

4 ноября 1908

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

Идем по жнивью, не спеша,
С тобою, друг мой скромный,
И изливается душа,
Как в сельской церкви темной.

Осенний день высок и тих,
Лишь слышно — ворон глухо
Зовет товарищей своих,
Да кашляет старуха.

Овин расстелет низкий дым,
И долго под овином
Мы взором пристальным следим
За лётом журавлиным...

Летят, летят косым углом,
Вожак звенит и плачет...
О чём звенит, о чём, о чём?
Что плач осенний значит?

И низких ницких деревень
Не счастье, не смерить оком,
И светит в потемневший день
Костер в лугу далеком...

О, ницая моя страна,
Что ты для сердца значишь?
О, бедная моя жена,
О чём ты горько плачешь?

1 января 1909

Не уходи. Побудь со мною,
Я так давно тебя люблю.

Дым от костра струею сизой
Струится в сумрак, в сумрак дня.
Лишь бархат алый алой ризой,
Лишь свет зари — покрыл меня.

Всё, всё обман, седым туманом
Ползёт печаль угрюмых мест.
И ель крестом, крестом багряным
Кладет на даль воздушный крест...

Подруга, на вечернем пире,
Помедли здесь, побудь со мной.
Забудь, забудь о страшном мире,
Вздохни небесной глубиной.

Смотри с печальною усладой
Как в свет зари вползает дым.
Я огражу тебя оградой —
Кольцом из рук, кольцом стальным.

Я огражу тебя оградой —
Кольцом живым, кольцом из рук.
И нам, как дым, струиться надо
Седым туманом — в алый круг.

Август 1909

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог, да столбов верстовых...

Лодки, да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты—
Кинулась из степи черная мгла...

Зá море Черное, зá море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?

28 февраля 1910

НА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Марии Павловне Ивановой

Под насыпью, во рву некошенном,
Лежит и смотрит, как живая,
В цветном платке, на косы брошенном,
Красивая и молодая.

Бывало, шла походкой чинною
На шум и свист за близким лесом.
Всю обойдя платформу длинную,
Ждала, волнуясь, под навесом.

Три ярких глаза набегающих —
Нежней румянец, круче локон:
Быть может, кто из проезжающих
Посмотрит пристальней из окон...

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали и скрипели;
Молчали желтые и синие;
В зеленых плакали и пели.

Вставали сонные за стеклами
И обводили ровным взглядом

Платформу, сад с кустами блеклыми,
Ее, жандарма с нею рядом...

Лиши раз гусар, рукой небрежною
Облокотясь на бархат алый,
Скользнул по ней улыбкой нежною...
Скользнул — и поезд в даль умчало.

Так мчалась юность бесполезная,
В пустых мечтах изнемогая...
Тоска дорожная, железная
Свистела, сердце разрывая...

Да что — давно уж сердце вынуто!
Так много отдано поклонов,
Так много жадных взоров кинуто
В пустынные глаза вагонов...

Не подходите к ней с вопросами,
Вам всё равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена — всё больно.

14 июня 1910

ПОСЕЩЕНИЕ

Голос

То не ели, не тонкие ели
На закате подъемлют кресты,
То в дали снеговой заалели
Мие нежные, милый, персты.
Унесенная белой метелью
В глубину, в бездыханность мою, —
Вот я вновь над твою постелью
Наклонилась, дышу, узнаю...
Я сквозь ночи, сквозь долгие ночи,
Я сквозь темные ночи — в венце.
Вот они — еще синие очи
На моем постаревшем лице!
В твоем голосе — возгласы моря,
На лице твоем — жала огня,
Но читаю в испуганном взоре,
Что ты помнишь и любишь меня.

Второй голос

Старый дом мой пронизан метелью,
И остыл одинокий очаг.
Я привык, чтоб над этой постелью
Наклонялся лишь пристальный враг.
И душа для видений ослепла,

Если вспомню, — лишь ветр налетит,
Лишь рубин раскаленный из пепла
Мой обугленный лик опалит!
Я не смею взглянуть в твои очи,
Всё, что было, — далеко оно.
Долгих лет нескончаемой ночи
Страшной памятью сердце полно.

Сентябрь 1910

Там неба осветленный край
Средь дымных пятен.
Там разговор гусиных стай
Так внятен.

Свободен, весел и силён,
В дали любимой
Я слышу непомерный звон
Неуследимый.

Там осень сумрачным пером
Широко реет.
Там старый лес под топором
Редеет.

Сентябрь 1910

Приближается звук. И, покорна щемящему
звуку,
Молоедет душа.
И во сне прижимаю к губам твою прежнюю
руку,
Не дыша.

Снится—снова я мальчик, и снова любовник,
И овраг, и бурьян,
И в буряне—колючий шиповник,
И вечерний туман.

Сквозь цветы, и листы, и колючие ветки,
я знаю,
Старый дом глянет в сердце мое,
Глянет небо опять, розовея от края до краю,
И окошко твое.

Этот голос—он твой и его непонятному
звуку
Жизнь и горе отдашь,
Хоть во сне, твою прежнюю милую руку
Прижимая к губам.

2 мая 1912

СНЫ

И пора уснуть, да жалко,
Не хочу уснуть!
Конь качается качалка,
На коня б скакнуть!

Луч лампадки, как в тумане,
Раз-два, раз-два, раз!...
Идет конница... а ини
Тянет свой рассказ...

Внемлю сказке древней, древней
О богатырях,
О заморской, о даревне,
О даревне... ах...

Раз-два, раз-два! Конник в латах
Трогает коня
И манит и мчит куда-то
За собой меня...

За моря, за океаны
Он манит и мчит,
В дымно-синие туманы,
Где даревна спит...

Спит в хрустальной, спит в кроватке
Долгих сто ночей,
И зеленый свет лампадки
Светит в очи ей...

Под парчами, под лучами
Сыщно ей сквозь сны,
Как звенят и бьют мечами
О хрусталь стены...

С кем там бьется конник гневный,
Бьется семь ночей?
На седьмую — над даревной
Светлый круг лучей...

И сквозь дремные покровы
Стелются лучи,
О тюремные засовы
Звякают ключи...

Сладко дремлется в кроватке.
Дремлешь? — Внемлю... сплю.
Луч зеленый, луч лампадки,
Я тебя люблю!

Октябрь 1912

НОВАЯ АМЕРИКА

Праздник радостный, праздник великий,
Да звезда из-за туч не видна...
Ты стоишь под метелицей дикой,
Роковая, родная страна.

За снегами, лесами, степями
Твоего мне не видно лица.
Только ль страшный простор пред очами,
Непоклонная ширь без конца?

Утопая в глубоком сугробе,
Я на утлы санки сажусь.
Не в богатом покоишься гробе
Ты, убогая финская Русь!

Там прикинешься ты богомольной,
Там старушкой прикинешься ты,
Глас молитвенный, звон колокольный,
За крестами — кресты, да кресты...

Только ладан твой синий и росный
Просквозит мне порою иным...
Нет, не старческий лик и не постный
Под московским платочком цветным!

Сквозь земные поклоны, да свечи,
Ектении, ектении, ектении —
Шопотливые, тихие речи,
Запылавшие щеки твои...

Дальше, дальше... И ветер рванулся,
Черноземным летя пустырем...
Куст дорожный по ветру метнулся,
Словно дьякон взмахнул орапем...

А уж там, за рекой половодной,
Где пригнулись к земле ковыли,
Тянет гарью горючей, свободной,
Слышины гуды в далекой дали....

Иль опять это — стан половецкий
И татарская буйная крепь?
Не пожаром ли фески турецкой
Забуянила дикая степь?

Нет, не видно там княжьего стяга,
Не шеломами черпают Дон,
И прекрасная внучка варяга
Не клянет половецкий полон...

Нет, не вьются там по ветру чубы,
Не пестреют в степях бунчуки...
Там чернеют фабричные трубы,
Там заводские стонут гудки.

Путь степной — без конца, без исхода,
Степь, да ветер, да ветер, — и вдруг

Многоярусный корпус завода,
Города из рабочих лачуг...

На пустынном просторе, на диком
Ты всё та, что была, и не та,
Новым ты ожернулась мне лицом,
И другая волнует мечта...

Черный уголь — подземный мессия,
Черный уголь — здесь царь и жених,
Но не страшен, невеста, Россия,
Голос каменных песен твоих!

Уголь стонет, и соль забелась,
И железная воет руда...
То над степью пустой загорелась
Мне Америки новой звезда!

12 декабря 1913

Моей матери

Ветер стих, и слава заревая
Облекла вон те пруды.
Вон и схимник. Книгу закрывая,
Он смиренно ждет звезды.

Но бежит шоссейная дорога,
Убегает вбок...
Дай вздохнуть, помедли, ради бога,
Не хрести, песок!

Славой золотеет заревою
Монастырский крест издалека.
Не свернуть ли к вечному покою?
Да и что за жизнь без клобука?..

И опять влечет неудержимо
Вдаль из тихих мест
Путь шоссейный, пробегая мимо,
Мимо инока, прудов и звезд... .

Август 1914

ПОСЛЕДНЕЕ НАПУТСТВИЕ

Боль проходит понемногу,
Не на век она дана.
Есть конец мятежным стонам.
Злую муку и тревогу
Побеждает тишина.

Ты смежил больные вежды,
Ты не ждешь — она вошла.
Вот она — с хрустальным звоном
Преисполнила надежды,
Светлым кругом обвела.

Слышишь ты сквозь боль мучений,
Точно друг твой, старый друг,
Тронул сердце нежной скрипкой?
Точно легких сноведений
Быстрый рой домчался вдруг?

Это — легкий образ рая,
Это — милая твоя.
Ляг на смертный одр с улыбкой,
Тихо грезить, замыкая
Круг постылый бытия.

Протянуться без желаний,
Улыбнуться навсегда.

Чтоб в последний раз пропых
Мимо, сонно, как в тумане,
Люди, зданья, города...

Чтобы звуки, чуть тревожа
Легкой музыкой земли,
Прозвучали, потомили
Над последним миром ложа
И в иное увлекли...

Лесть, коварство, слава, золто —
Мимо, мимо, навсегда...
Человеческая тупость —
Всё, что мучило когда-то,
Забавляло иногда...

И опять — коварство, слава,
Золто, лесть, всему венец —
Человеческая глупость,
Безысходна, величава.
Бесконечна... Что ж, конец?

Нет... еще леса, поляны,
И проселки и шоссе,
Наша русская дорога,
Наши русские туманы,
Наши щелести в овсе...

А когда пройдет всё мимо,
Чем тревожила земля,
Та, кого любил ты много,
Поведет рукой любимой
В Елисейские поля.

14 мая 1914

Грешить бесстыдно, непробудно,
Счет потерять начи и днам,
И, с головой от хмеля трудной,
Пройти сторонкой в божий храм.

Три раза преклониться долу,
Семь — осенить себя крестом,
Тайком к заплеванному полу
Горячим прикоснуться лбом,

Кладя в тарелку грошик медный,
Три, да еще семь раз под ряд
Подлевовать столетний, бедный
И зацелованный оклад.

А, воротясь домой, обмерить
На тот же грош кого нибудь,
И пса голодного от двери,
Иknув, ногою отпихнуть.

И под лампадой у иконы
Пить чай, отщелкивая счет,
Потом переслюнить купоны,
Пузатый отворив комод,

И на перины пуховые
В тяжелом завалиться сне... —
Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краев дороже мне.

26 августа 1914

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за
штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

И, садясь, запевали *Варяга* одни,
А другие — не в лад — *Ермака*,
И кричали *ура*, и шутили они,
И тихонько крестилась рука.

Вдруг под ветром взлетел опадающий лист,
Раскачнувшись, фонарь замигал,
И под черною тучей веселый горнист
Запягал к отправленью сигнал.

И военною славой заплакал рожок,
Наполняй тревогой сердца.
Громыханье колес и охрипший свисток
Заглушило *ура* без конца.

Уж последние скрылись во мгле буфера,
И сошла тишина до утра,
А с дождливых полей всё неслось к нам ура,
В грозном клике звучало: пора!

Нет, нам не было грустно, нам не было жаль,
Несмотря на дождливую даль.
Это — ясная, твердая, верная сталь,
И нужна ли ей наша печаль?

Эта жалость — ее заглушает пожар,
Гром орудий и топот коней.
Грусть — ее застилает отравленный пар
С Галицийских кровавых полей...

1 сентября 1914

Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой — одни у валов.

Да, ночные пути, роковые,
Развели нас и вновь свели,
И опять мы к тебе, Россия,
Добрели из чужой земли.

Крест и насыпь могилы братской,
Вот где ты теперь, тишина!
Лишь щемящей песни солдатской
Издала несется волна.

А вблизи — всё пусто и немо,
В смертном сне — враги и друзья.
И горит звезда Вифлеема
Так светло, как любовь моя.

3 декабря 1914

З. Н. Гиппиус

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забыть не в силах ничего.

Испепеляющие годы!
Безумья-ль в вас, надежды-ль весть?
От дней войны, от дней свободы —
Кровавый отсвет в лицах есть.

Есть немота — то гул набата
Заставил заградить уста.
В сердцах, восторженных когда-то,
Есть роковая пустота.

И пусть над нашим смертным ложем
Взвьется с криком воронье. —
Те, кто достойней, боже, боже,
Да узрят дарствие твое!

8 сентября 1914

Дикий ветер
Стекла гнет,
Ставни с петель
Буйно рвет.

Час заутрени пасхальной,
Звон далекий, эвон печальный,
Глухота и чернота.
Только ветер, гость нахальный,
Потрясает ворота.

За окном черно и пусто,
Ночь полна шагов и хруста,
Там река ломает лед.
Там меня невеста ждет...

Как мне скинуть злую дрёму,
Как мне гостя отогнать?
Как мне милую — чужому,
Проклятому не отдать?

Как не бросить всё на свете,
Не отчаяться во всем,
Если в гости ходит ветер,
Только дикий черный ветер,
Сотрясающий мой дом?

Что ж ты, ветер,
Стекла гнешь?
Ставни с петель
Дико рвешь?

22 марта 1916

КОРШУН

Чертя за кругом плавный круг,
Над сонным лугом коршун кружит
И смотрит на пустынnyй луг.—
В избушке мать над сыном тужит:
«На хлеба, на, на грудь, соси,
«Расти, покорствуй, крест неси».

Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни,
А ты всё та же, моя страна,
В красе заплаканной и древней.—
Доколе матери тужить?
Доколе коршуну кружить?

22 марта 1915

О чём поет ветер

(1913)

Мы забыты, одни на земле.
Посидим же тихонько в тепле.

В этом комнатном, теплом углу
Поглядим на октябрьскую мглу.

За окном, как тогда, огоньки.
Милый друг, мы с тобой старики.

Всё, что было и бурь и невзгод,
Позади. Что ж ты смотришь вперед?

Смотришь, точно ты хочешь прочесть
Там какую то новую весть?

Точно ангела бурного ждешь?
Всё прошло. Ничего не вернешь.

Только стены, да книги, да дни.
Милый друг мой, привычны они.

Ничего я не жду, не ропщу,
Ни о чём, что прошло, не грущу.

Только, вот, принялась ты опять
Светлый бисер на нитки низать,

Как когда-то, ты помнишь тогда...
О, какие то были года!

Но, когда ты моложе была,
И шелка ты поярче брала,

И ходила рука побыстрей...
Так возьми ж и теперь попестрей,

Чтобы шелк, что вдеваешь в иглу,
Побеждал пестротой эту мглу.

19 октября 1913

Поет, поет...
Поет и ходит возле дома...
И грусть, и нежность, и истома,
Как прежде, за сердце берет...

Нетяжко бремя,
Всей жизни бремя прожитой,
И песнью длинной и простой
Баюкает и нежит время...

Так древни мы,
Так древен мира
Бег,
И лира
Поет нам снег
Седой зимы,
Поет нам снег седой зимы...

Туда, туда,
На снеговую грудь
Последней ночи...
Вздохнуть — и очи
Навсегда
Сомкнуть,
Сомкнуть в объятьях ночи...

Возврата нет
Страстям и думам...
Смотри, смотри:
С полночным шумом
Идет к нам ветер от зари...
Последний свет
Померк. Умри.
Померк последний свет зари.

19 октября 1913

Милый друг, и в этом тихом доме
Лихорадка бьет меня.
Не найти мне места в тихом доме
Возле мирного огня!

Голоса поют, взывает выюга,
Страшен мне уют...
Даже за плечом твоим, подруга,
Чьи-то очи стерегут!

За твоими тихими плечами
Слышу трепет крыл...
Бьет в меня светящими очами
Ангел бури — Азраил!

Октябрь 1913

Было то в темных Карпатах,
Было в Богемии дальней...

Впрочем, прости... мне немного
Жутко и холодно стало;
Это — я помню не ясно,
Это — отрывок случайный,
Это — из жизни другой мне
Жалобный ветер нашел...

Верь, друг мой, сказкам: я привык
Вникать
В чудесный их язык
И постигать
В обрывках слов
Туманный ход
Иных миров,
И темный времеан полет
Следить,
И вместе с ветром петь;
Так легче жить,
Так легче жизнь терпеть
И уповать,
Что темной думы рост
Нам в вечность перекинет мост,
Надеяться и ждать...

Жди, старый друг, терпи, терпи,
Терпеть не долго, крепче спи,
Всё равно, всё пройдет,
Всё равно ведь никто не поймет,
Ни тебя не поймет, ни меня,
Ни что ветер поет
Нам, звения...

Октябрь 1913

**ВОЗМЕЗДИЕ
ПЕСНЯ ГАЭТАНА
ДВЕНАДЦАТЬ
СКИФЫ**

ВОЗМЕЗДИЕ

<Фрагменты поэмы>

Юность — это возмездие.

Ибсен

НАРОД И ПОЭТ

<Пролог поэмы>

Жизнь — без начала и конца.
Нас всех подстерегает случай.
Над нами — сумрак неминучий,
Иль ясность божьего лица.
Но ты, художник, твердо веруй
В начала и концы. Ты знай,
Где стерегут нас ад и рай.
Тебе дано бесстрастной мерой
Измерить всё, что вишишь ты.
Твой взгляд — да будет тверд и ясен,
Сотри случайные черты —
И ты увишишь: мир прекрасен.
Познай, где свет, — поймешь, где тьма.
Пускай же всё пройдет неспешно,
Что в мире свято, что в нем грехно,
Сквозь жар души, сквозь хлад ума.
Так Зигфрид правит меч над горном:
То в красный уголь обратит,
То быстро в воду погрузит —

И зашипит, и станет черным
Любимцу вверенный клинок...
Удар — он блещет, Нотунг верный,
И Миме, карлик лицемерный,
В смятении падает у ног!

Кто меч скует? — Незнавший страха.
А я беспомощен и слаб,
Как все, как вы, — лишь умный раб,
Из глины созданный и праха, —
И мир — он страшен для меня.
Герой уж не разит свободно, —
Его рука — в руке народной,
Стоит над миром столб огня,
И в каждом сердце, в мысли каждой —
Свой произвол и свой закон...
Над всей Европою дракон,
Разинув пасть, томится жаждой...
Кто нанесет ему удар?..
Не ведаем: над нашим станом,
Как встарь, повита даль туманом,
И пахнет гарью. Там — пожар.

Но песня — песнью всё пребудет.
В толпе всё кто нибудь поет.
Вот — голову его на блюде
Царю плясунья подает;
Там — он на эшафоте черном
Слагает голову свою;
Здесь — именем клеймят позорным
Его стихи... И я пою, —
Но не за вами суд последний,
Не вам замкнуть мои уста!

Пусть церковь темная пуста,
Пусть пастырь спит; я до обедни
Пройду росистую межу,
Ключ ржавый поверну в затворе
И в алом от зари притворе
Свою обедню отслужу.

Ты, поразившая Дениницу,
Благослови на здешний путь!
Позволь хоть малую страницу
Из книги жизни повернуть.
Дай мне неспешно и нелживо
Поведать пред Лицом Твоим
О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом — юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа,
Сыны отражены в отдах:
Коротенький обрывок рода —
Два-три звена, — и уж ясны
Заветы темной старины:
Созрела новая порода, —
Угль превращается в алмаз.
Он, под киркой трудолюбивой,
Восстав из недр неторопливо,
Предстанет — миру напоказ!
Так бей, не знай отдохновенья,
Пусть жила жизни глубока:
Алмаз горит издалека —
Дроби, мой гневный ямб, каменья!

2 марта 1911

ДВА ВЕКА

<Вступление в первую главу>

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!
В ночь умозрительных понятий,
Матерьялистских малых дел,
Бессильных жалоб и проклятий
Бескровных душ и слабых тел!
С тобой пришли чуме на смену
Нейрастения, скука, сплин,
Век расшибанья лбов о стену
Экономических доктрин,
Конгрессов, банков, федераций,
Застольных спичей, красных слов,
Век акций, рент и облигаций,
И мало действенных умов,
И дарований половиных
(Так справедливей — пополам!)

Век не салонов, а гостиных,
Не Рекамье, — а просто дам...

Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!)

Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела...

А человек? — Он жил безвольно:
Не он — машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безбожно
Пытала дух, как никогда...
Но тот, кто двигал, управляя
Марионетками всех стран, —
Тот знал, что делал, насыщая
Гуманистический туман:
Там, в сером и гнилом тумане,
Увяла плоть, и дух погас,
И ангел сам священной браны,
Казалось, отлетел от нас:
Там — распры кровные решают
Дипломатическим умом,
Там — пушки новые мешают
Сойтись лицом к лицу с врагом,
Там — вместо храбрости — нахальство,
А вместо подвигов — «психоз»,
И вечно ссорится начальство,
И длинный громоздкой обоз
Волочит за собой команда,
Штаб, интендантов, грязь кляня,
Рожком горниста — рог Роланда
И шлем — фуражкой заменя...
Тот век немало проклинали
И не устанут проклинать.
И как избыть его печали?
Он мягко стал — да жестко спать...

Двадцатый век... еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люцифера крыла).

Пожары дымные заката
(Пророчества о нашем дне),
Кометы грозной и хвостатой
Ужасный призрак в вышине,
Безжалостный конец Мессини
(Стихийных сил не превозмочь),
И неустанный рев машины,
Кующей гибель день и ночь,
Сознанье страшное обмана
Всех прежних малых дум и вер,
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи.
Что ж, человек? — За ревом стали,
В огне, в пороховом дыму,
Какие огненные дали
Открылись взору твоему?

Сентябрь 1911

в озмездие

<Вступление во вторую главу>

I

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только — тень огромных крыл.
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, —
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
Колдун одной рукой кадил,
И струйкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но —

Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

II

В те незапамятные годы
Был Петербург еще грозней,
Хоть не тяжеле, не серей
Под крепостью катила воды
Необозримая Нева...
Штык светил, плакали куранты,
И те же барыни и франты
Летели здесь на острова.
И так же конь чуть слышным смехом
Коню навстречу отвечал,
И черный ус, мешаясь с мехом,
Глаза и губы щекотал...
Я помню, так и я, бывало,
Летал с тобой, забыв весь свет,
Но... право проку в этом нет,
Мой друг, и счастья в этом мало...

III

Востока страшная заря
В те годы чуть еще алела...
Чернь Петербургская глазела
Подобострастно на заря...
Народ толпился в самом деле,
В медалях кучер у дверей
Тяжелых горячил коней,
Городовые на панели
Сгоняли публику... «Ура» —

Заводит кто-то голосистый,
И царь — огромный, водянистый,
С семейством едет со двора...
Весна, но солнце светит глупо,
До Пасхи — целых семь недель,
А с крыши холодная капель
Уже за воротник мой тупо
Сползает, спину холода...
Куда ни повернись, всё ветер...
«Как тошно жить на белом свете»,
Бормочешь, лужу обходя;
Собака под ноги суется,
Калоши сыщика блестят,
Вонь кислая с дворов несется,
И «князь» орет: «Халат, халат».
И встретившись лицом с прохожим,
Ему бы в рожу наплевал,
Когда б желания того же
В его глазах не прочитал...

IV

Но перед майскими ночами
Весь город погружался в сон,
И расширялся небосклон;
Огромный месяц за плечами
Таинственно румянил лик
Перед зарей необозримой...
О, город мой неуловимый,
Зачем над бездной ты возник...
Ты помнишь: выйдя ночью белой
Туда, где в море сфинкс глядит,
И на обтесанный гранит

Склоняясь главой отяжелелой,
Ты слышать мог: вдали, вдали,
Как будто с моря, звук тревожный,
Для божьей тверди невозможный
И необычный для земли...
Провидел ты всю даль, как ангел
На шипле крепостном; и вот —
(Сон или явь) чудесный флот,
Широко развернувший фланги,
Внезапно заградил Неву...
И Сам Державный Основатель
Стоит на головном фрегате...
Так снилось многим наяву...
Какие ж сны тебе, Россия,
Какие бури суждены?
Но в эти времена глухие
Не всем, конечно, снились сны...
Да и народу не бывало
На площади в сей дивный миг.
(Один любовник запоздалый
Спешил, поднявши воротник)...
Но в алых струйках за кормами
Уже грядущий день сиял,
И дремлющими вымпелами
Уж ветер утренний играл,
Раскинулась необозримо
Уже кровавая заря,
Грозя Артуром и Цусимой,
Грозя девятым января...

Март 1911

НАД ВАРШАВОЙ
<Из третьей главы>

Страна — под бременем обид,
Под игом наглого насилия —
Как ангел, опускает крылья,
Как женщина, теряет стыд.
Безмолвствует народный гений,
И голоса не подает,
Не в силах сбросить ига лени
В полях затерянный народ.
И лишь о сыне, ренегате,
Всю ночь безумно плачет мать,
Да шлет отец врагу проклятье
(Ведь старым нечего терять!..)
А сын — он изменил отчизне!
Он жадно пьет с врагом вино,
И ветер ломится в окно,
Взываю к совести и к жизни...

Не также-ль и тебя, Варшава,
Столица гордых поляков,
Дремать принудила орава
Военных русских пошляков?
Жизнь глухо кроется в подпольи,
Молчат магнатские дворцы,
Лишь Пан-Мороз во все концы

Свирепо рыщет на раздолбы!
Неистово взлетит над вами
Его седая голова,
Иль откидные рукава
Взметутся бурей над домами,
Иль конь заржет — и звоном струи
Ответит телеграфный провод,
Иль вздернет Пан взбешенный повод,
И четко повторит чугун
Удары мерзлого копыта
По опустелой мостовой...
И вновь, поникнув головой,
Безмолвен Пан, тоской убитый...
И, странствуя на злом коне,
Брызгает шпорою кровавой...
Месть! Месть! — Так эхо над
Варшавой
Звенит в холодном чугуне!

Январь 1911

<Заключение третьей главы>

Когда ты загнан и забит
Людьми, заботой, иль тоскою;
Когда под гробовой доскою
Всё, что тебя пленило, спит;
Когда по городской пустыне,
Отчаявшийся и больной,
Ты возвращаешься домой,
И тяжелит ресницы иней,
Тогда — остановись на миг
Послушать тишину ночную,
Постигнешь слухом жизнь иную,
Которой днем ты не постиг;
По новому окинешь взглядом
Даль снежных улиц, дым костра,
Ночь, тихо ждающую утра
Над белым запущенным садом,
И небо — книгу между книг;
Найдешь в душе опустошенной
Вновь образ матери склоненный,
И в этот несравненный миг —
Узоры на стекле фонарном,
Мороз, оледенивший кровь,
Твоя холодная любовь —
Всё вспыхнет в сердце благодарном,
Ты всё благословишь тогда,

Поняв, что жизнь — безмерно боле,
Чем *quantum satis*¹ Бранда воли,
А мир — прекрасен, как всегда.

Январь 1911

ПЕСНЯ ГАЭТАНА

<Из драмы «Роза и Крест»>

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный брег!

В темных расселинах ночи
Прялка жужжит и поет,
Пряха незримая в очи
Смотрит и судьбы прядет.

Смотрит чертой отневою
Рыцарю в очи закат,
Да над судьбой роковою
Звездные ночи горят.

Мира восторг беспредельный
Сердцу певучему дан.
В путь роковой и бесцельный
Шумный зовет океан.

Сдайся мечте невозможной,
Сбудется, что суждено.

¹ "В полную меру" — лозунг Бранда, героя одноименной драмы Ибсена.—Ред.

Сердцу закон непреложный —
Радость-Страданье одно!

Путь твой грядущий — скитанье,
Шумный поет океан.
Радость, о, Радость-Страданье —
Боль неизведанных ран!

Всюду — беда и утраты,
Что тебя ждет впереди?
Ставь же свой парус косматый,
Меть свои крепкие латы
Знаком креста на груди!

Ревет ураган,
Поет океан,
Кружится снег,

Мчится мгновенный век,
Снится блаженный берег!

1912

ДВЕНАДЦАТЬ

1

Черный вечер.
Белый снег.
Ветер, ветер!
На ногах не стоит человек.
Ветер, ветер —
На всем божьем свете!

Завивает ветер
Белый снежок.
Под снежком — ледок.
Скользко, тяжко,
Всякий ходок
Скользит — ах, бедняжка!

От здания к зданию
Протянут канат.
На канате — плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию!»
Старушка убивается — плачет,
Никак не поймет, что значит,
На что такой плакат,
Такой огромный лоскут?
Сколько бы вышло портянок для ребят,
А всякий — раздет, разут...

Старушка, как курица,
Кой-как перемотнулась через сугроб.
— Ох, Матушка-Заступница!
— Ох, большевики загонят в гроб!

Ветер хлесткий!
Не отстает и мороз!
И буржуй на перекрестке
В воротник упрятал нос.

А это кто? — Длинные волосы
И говорит вполголоса:
— Предатели!
— Погибла Россия!
Должно быть, писатель —
Вития...

А вон и долгополый —
Сторонкой — за сугроб...
Что нынче невеселый,
Товарищ поп?

Помнишь, как бывало
Брюхом шел вперед,
И крестом сияло
Брюхо на народ?

Вон барыня в каракуле
К другой подвернулась:
— Ужь мы плакали, плакали...
Поскользнулась
И — бац — растянулась!

Ай, ай!
Тяни, подымай!
Ветер веселый
И зол, и рад.
Крутит подолы,
Прохожих косит,
Рвет, мнет иносит
Большой плакат:
«Вся власть Учредительному Собранию»..
И слова доносит:

...И у нас было собрание...
...Вот в этом здании...
... Обсудили —
Постановили:
На время — десять, на ночь — двадцать пять...
...И меньше — ни с кого не брать...
...Пойдем спать...

Поздний вечер.
Пустеет улица.
Один бродяга
Сутулится,
Да свищет ветер...

Эй, бедняга!
Подходи —
Поделуемся...

Хлеба!
Что впереди?
Проходи!

Черное, черное небо.

Злоба, грустная злоба
Кипит в груди...
Черная злоба, святая злоба...

Товарищ! Гляди
В оба!

2

Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.

Винтовок черные ремни,
Кругом — огни, огни, огни...

В зубах — пыгарка, примят картуз,
На спину-б надо бубновый туз!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!

Тра-та-та!

Холодно, товарищи, холодно!

— А Ванька с Катькой — в кабаке...
— У ей керёнки есть в чулке!

— Ванюшка сам теперь богат...
— Был Ванька наш, а стал солдат!

— Ну, Ванька, сукин сын, буржуй,
Мою, попробуй, поцелуй!

Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!
Катька с Ванькой занята —
Чем, чем занята?..

Тра-та-та!

Кругом — огни, огни, огни...
Оплечь — ружейные ремни...

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Товарищ, винтовку держи, не трусь!
Пальнем-ка пулей в Святую Русь —

В кондовую,
В избянью,
В толстозадую!

Эх, эх, без креста!

3

Как пошли наши ребята
В красной гвардии служить —
В красной гвардии служить —
Буйну голову сложить!

Эх ты, горе-горькое,
Сладкое житье!
Рваное пальтишко,
Австрийское ружье!

Мы на горе всем буржуям
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови —
Господи, благослови!

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
Електрический фонарик
На оглобельках...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пощучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах, ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденская...

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та дарапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце ёкнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи,
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,

С юнкеръем гулять ходила,—
С солдатъем теперь пошла?

Эх, эх, согреши!
Будет легче для души!

6

...Опять навстречу несется вскачь,
Летит, вопит, орет лихач...

Стой, стой! Андрюха, помогай!
Петруха, сзаду забегай! ..

Трах-тарарак-так-так-так-так!
Вскрутился к небу снежный прах! ..

Лихач — и с Ванькой — наутек...
Еще разок! Взводи курок!

Трах-тарарах! Ты будешь знать,
Как с девочкой чужой гулять! ..

Утек, подлец! Ужо, постой,
Расправлюсь завтра я с тобой!

А Катька где? — Мертвa, мертвa!
Простреленная голова!

Что, Катька, рада? — Ни гу-гу...
Лежи ты, падаль, на снегу! ..

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

7

И опять идут двенадцать,
За плечами — ружьеда.
Лишь у бедного убийцы
Не видать совсем лица...

Всё быстрее и быстрее
Уторапливает шаг.
Замотал платок на шее —
Не оправиться никак...

— Что, товарищ, ты не весел?
— Что, дружок, оторопел?
— Что, Петруха, нос повесил,
Или Катьку пожалел?

— Ох, товарищи, родные,
Эту девку я любил...
Ночки черные, хмельные
С этой девкой проводил...

Из-за удали бедовой
В огневых ее очах,
Из-за родинки пунцововой
Возле правого плеча,
Загубил я, бестолковый,
Загубил я горяча... ах!

— Ишь, стервец, завел шарманку,
Что ты, Петька, баба что-ль?
— Верно, душу наизнанку
Вздумал вывернуть? Изволь!
— Поддержи свою осанку!
— Над собой держи контроль!
— Не такое нынче время,
Чтобы нянчиться с тобой!
Потяжеле будет бремя
Нам, товарищ дорогой!

И Петруха замедляет
Торопливые шаги...

Он головку вскидывает,
Он опять повеселел...

Эх, эх!
Позабавиться не грех!

Запирайте этажи,
Нынче будут грабежи!

Отмыкайте погреба —
Гуляет нынче голытьба!

Ох ты, горе-горькое!
Скука скучна! —
Смертная!

Ужь я времячко
Проведу, проведу...

Ужь я темячко
Почешу, почешу...

Ужь я семячки
Получу, получу...

Ужь я ножичком
Полосну, полосну!...

Ты лети, буржуй, воробышком!
Выпью кровушку
За зазнобушку,
Чернобровушку!...

Упокой, господи, душу рабы твоей...

Скучно!

Не слышно шуму городского,
Над невской башней тишина,
И больше нет городового —
Гуляй, ребята, без вина!

Стоит буржуй на перекрестке
И в воротник упрятал нос.
А рядом жмется шерстью жесткой
Поджавший хвост паршивый пес.

Стоит буржуй, как пес голодный,
Стоит безмолвный, как вопрос.
И старый мир, как пес безродный,
Стоит за ним, поджавши хвост.

Разыгралась чтой то выюга,
Ой, выюгá, ой, выюгá!
Не видать совсем друг друга
За четыре за шага!

Снег воронкой завился,
Снег столбушкой поднялся...

— Ох пурга какая, спасе!
— Петька! Эй, не завирайся!
От чего тебя упас
Золотой иконостас?
Бессознательный ты, право,
Рассуди, подумай здраво —
Али руки не в крови
Из-за Катькиной любви?
— Шаг держи революционный!
Близок враг неугомонный!

Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

И идут без имени святого
Все двенадцать — вдаль.
Ко всему готовы,
Ничего не жаль...

Их винтовочки стальные
На незримого врага...
В переулочки глухие,
Где одна пылит пурга...
Да в сугробы пуховые —
Не утянешь санога...

В очи бьется
Красный флаг.

Раздается
Мерный шаг.

Вот — проснется
Лютый враг...

И выюгá пылит им в очи
Дни и ночи
Напролет...

Вперед, вперед,
Рабочий народ!

...Вдаль идут державным шагом...
 — Кто еще там? выходи!
 Это — ветер с красным флагом
 Разыгрался впереди...

Впереди — сугроб холодный,
 — Кто в сугробе — выходи...
 Только нищий пес голодный
 Ковыляет позади...

— Отвяжись ты, шелудивый,
 Я штыком пощекочу!
 Старый мир, как пес паршивый,
 Провались — поколочу!

...Скалит зубы — волк голодный —
 Хвост поджал — не отстает —
 Пес холодный — пес безродный...
 — Эй, откликнись, кто идет?

— Кто там машет красным флагом?
 — Приглядись-ка, эка тьма!
 — Кто там ходит беглым шагом,
 Хоронясь за все дома?

— Всё равно, тебя добуду,
 Лучше сдайся мне живьем!
 — Эй, товарищ, будет худо,
 Выходи, стрелять начнем!

Трах-тах-тах! — И только эхо
 Откликается в домах...
 Только выюга долгим смехом
 Заливается в снегах...

Трах-тах-тах!
 Трах-тах-тах...

...Так идут державным шагом —
 Позади — голодный пес,
 Впереди — с кровавым флагом,
 И за выюгой невидим,
 И от пули невредим,
 Нежной поступью надвьюжной,
 Снежной россыпью жемчужной,
 В белом венчике из роз —
 Впереди — Иисус Христос.

Январь 1918

СКИФЫ

Панмонголизм! Хоть имя дико,
Но мне ласкает слух оно.

Владимир Соловьев

Милльоны вас. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, Скифы — мы! Да, азиаты — мы, —
С раскосыми и жадными очами!

Для вас — века, для нас — единый час
Мы, как послушные холопы,
Держали щит между двух враждебных рас—
Монголов и Европы!

Века, века ваш старый горн ковал
И заглушал грома лавины,
И дикой сказкой был для вас провал
И Лиссабона, и Мессини!

Вы сотни лет глядели на Восток,
Копя и плавя наши перлы,
И вы, глумясь, считали только срок,
Когда наставить пушек жерла!

Вот — срок настал. Крылами бьет беда, —
И каждый день обиды множит,

И день придет — не будет и следа
От ваших Пестумов, быть может!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Прел Сфинксом с древнею загадкой!..

Россия — Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя,
И с ненавистью, и с любовью!..

Да, так любить, как любят наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!

Мы любим всё — и жар холодных чисел,
И дар божественных видений,
Нам приятно всё — и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...

Мы помним всё — парижских улиц ад,
И венецианские прохлады,
Лимонных рощ далекий аромат,
И Кёльна дымные громады...

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Привыкли мы, хватая под уздцы
Играющих коней ретивых,
Ломать коням тяжелые крестцы,
И усмирять рабынь строптивых...

Придите к нам! От ужасов войны
Придите в мирные объятья!
Пока не поздно — старый меч в ножны,
Товарищи! мы станем — братья!

А если нет, — нам нечего терять,
И нам доступно вероломство!
Века, века — вас будет проклинать
Больное позднее потомство!

Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Свою азиатской рожей!

Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышет интеграл,
С монгольской дикою ордою!

Но сами мы — отныне — вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами!
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами!

Не сдвинемся, когда свирепый Гунн
В карманах трупов будет шарить,

Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить!..

В последний раз — опомнись, старый мир
На братский пир труда и мира,
В последний раз — на светлый братский пир
Сыывает варварская лира!

30 января 1918

ПРИМЕЧАНИЯ

Песнь Ада. Блок объяснял это стихотворение как «попытку изобразить «инфериальность» (термин Достоевского), «вампиризм» нашего времени — стилем Инферно, что видно с первых слов: *День дого*рел» (так начинается вторая песнь «Ада» Данте). Данте принадлежал к числу любимых поэтов Блока.

Демон. По свидетельству Блока, это стихотворение было написано под впечатлением смерти художника М. А. Врубеля и содержит «намеки на связь демонов Лермонтова и Врубеля».

виатор. Было написано под впечатление гибели летчика В. Ф. Смита, разбившегося на глазах у Блока в мае 1911 г.

«Осенний вечер был Под звук дождя стеклянный». Вариация на тему стихотворения Эдгара По «Ворон», откуда взят и эпиграф (в переводе В. Брюсова).

«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки». Ревность по дому

и Что делаешь, делай скорее — цитаты из Евангелия.

«День проходил, как всегда». Вольф — владелец крупной книготорговой фирмы.

«Я ухо приложил к земле». В рукописи озаглавлено: «Рабочему»; там же — первоначальная редакция заключительного четверостишия, отброшенная, очевидно, из цензурных соображений:

Взойдет и всколосится новь,
И по весне — по новой нови
Прольем ковши их жирной крови,
Чтоб зрела новая любовь.

«Тропами тайными, ночныхими»
Первоначальная редакция 18-го стиха:

Рабочий сбросит с вольных плеч.

«Не спят, не помнят, не торгуют». В рукописи озаглавлено «Святая Пасха». Вместо первой строфы первоначально были две следующих:

В тряпье покорности и веры
Ты хочешь скрыть хозяйствский стыд?
Поверь: бесстыду нету меры;
Не счастье бесчисленных обид.

Стыдится ли хозяин ражий,
Когда рабы со всех сторон,
И за убийства и за кражи
Ему дарят пасхальный звон?

Большие церковные праздники постоянно вызывали у Блока антиклерикальные настроения.

«Да, так диктует вдохновение». В этом стихотворении отразились впечатления, вынесенные Блоком из заграничной поездки 1911 г.; в письме из Парижа он писал между прочим: «В сожженных скверах — масса детей — бледных, с английской болезнью. Все лица — или приводящие в ужас (у буржуа), — или хватавшие за сердце напряженностью и измученностью».

«Когда мы встретились с тобой». С сестрой Аннелой (дочерью А. Л. Блока от второго брака, скончавшейся в 1919 г.) Блок встретился впервые только в 1909 г. в Варшаве, на похоронах отца.

Итальянские стихи. Этот цикл в основном был написан в 1909 г. в Италии, но обрабатывался позже, вплоть до 1914 г.

Равенна. Равенна — город на побережье Адриатического моря (отступившего с древних времен от города на 7 километров),

древняя столица Западной Римской империи, завоеванная в 493 г королем остготов Теодорихом Великим (454—526). Галла и Плакида — Галла Плацидия Августа, римская императрица V века. — Галла, Теодорих и Данте похоронены в Равенне.

«Холодный ветер от лагуны». Львиний столб — памятник в Венеции. Марк — венецианский собор св. Марка; «иконостасом» Блок назвал фасад этого собора.

Перуджия. Перуджино (1446—1524) — итальянский художник эпохи Возрождения.

«Умри, Флоренция, Иуда». Там, где сияющей монах соискиен — во Флоренции, на площади Синьории, в 1498 г. был сожжен Савонарола. Леонардо — Леонардо да Винчи. Беато — Фра Джованни да Фьеозоле (1387—1455), итальянский художник. Медичи — знатный род, правивший во Флоренции.

«Флоренция, ты ирис нежный». Кашины — пригородная часть Флоренции, с парками и рощами.

«Окна должны на небе черном». Написано на мотив итальянской народной песенки.

«Голубоватым дымом». Христоны слезы — марка итальянского вина.

«Вот девушка, едва развившись». Септимий Север — римский император (193—211).

Фьеозоле. Кампанилы — колокольни.

«Искусство — ноша на плечах». В городке Фолиньо Блок случайно увидел в кинематографе французский фильм, виденный им уже в Петербурге.

«Глаза, опущенные скромно». Полный текст 4-й строфы (Блоком не печатавшийся):

Однако, братьям надоело
(И не хватало больше сил)
Хранить нетронутое тело,
Один из них его растял...

Благовещение. По свидетельству Блока, это стихотворение было внушено ему одной из фресок перуджийского художника Джованнико Манни; с его же фресок заимствован латинский текст, приведенный (с незначительными изменениями) в последней строфе. Гриф, коитящий тельца — символ Перуджии с древнейших времен.

Успение. Блок указал, что это стихотворение было внушено ему фреской итальянского художника Фра Филиппо Липпи в соборе города Сполето.

За гробом. Утоли мои печали — название одной из распространенных икон божьей матери».

«Все это было, было, было». Калита — московский князь Иван Данилович Калита (1328—1341).

«Ты помнишь? В нашей бухте сонной». В августе 1911 г. во французский порт Аберврак, где жил тогда Блок, вошли военные суда; политическое положение в Европе в то время было крайне напряженным, и Блок истолковал это событие как предзнаменование близящейся войны.

Через двенадцать лет. Цикл, в основном написанный в немецком курорте Бад Наугейме (в июне 1909 г.), посвящен К. М. Садовской, с которой Блок встретился в Бад Наугейме в 1897 г.

«В неуверенном, зыбком полете». С весны 1910 г. Блок увлекался полетами аэронавтов. «В полетах людей, даже неудачных, — писал он, — есть что-то древнее и сужденное человечеству, следовательно высокое». По словам Блока, шум прощеллера «ввел в мир новый звук».

Кармен. Цикл посвящен оперной актрисе Л. А. Дельмас, исполнительнице роли Кармен в опере Бизе. Чунгана, Хозе, Лиллас-Пастья, Эскамильо — персонажи оперы «Кармен».

Соловьевский сад. Поэма писалась и обрабатывалась с 6 января 1914 г. по 14 октября 1915 г. В пейзаже поэмы отразились воспоминания Блока о французской деревушке Гетари (на Бискайском побережье Атлантического океана), где он жил летом 1913 г.

На поле Куликовом. «Куликовская битва», — писал Блок в примечании к этому циклу, — принадлежит к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение, разгадка их еще впереди». Публицистический смысл цикла раскрывается в сопоставлении его с драмой «Песня Судьбы» и статьями Блока о «народе и интеллигенции». Тема Куликовской битвы русских с татарами мыслилась Блоком как историческая аналогия двух «тайно враждебных» друг другу «станов» — многомиллионного народа и городской интеллигенции, «стихии» и «культуры» (см. вступительную статью (стр. XXXI)).

В статье 1908 г. «Народ и интеллигенция» образы цикла «На поле Куликовом» расшифровываются с полной ясностью: русский стан Дмитрия Донского — это народ, а «враждий стан» Мамая и его «поганой орды» — интеллигенция.

«Дым от костра струею сизой». Эпиграф — из дыганского романса.

На железной дороге. Блок определил это стихотворение как «бессознательное подражание» эпизоду в романе Л. Толстого «Воскресение», где рассказывается, как Катюша Маслова на маленькой станции видит в окне вагона Нехлюдова. *Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели — до революции вагоны I класса окрашивались в синий цвет, II класса — в желтый и III класса — в зеленый.*

«Рожденные в года глухие».
З. Н. Гиппиус (род. в 1869 г.) — буржуазная писательница, видная представительница старшего поколения символистов, жена Л. Мережковского. После появления «Двадцати» возглавляла кампанию «бойкота», объявленного Блоку группой контрреволюционно настроенной интеллигенции; в 1920 г. эмигрировала за границу. *Дни войны и дни свободы* — русско-японская война и революционные события 1904—1905 гг.

ВОЗМЕЗДИЕ. ПЕСНЬ ГАЭТАНА. СКИФЫ.

ДВЕНАДЦАТЬ

Возмездие

Поэма «Возмездие» была задумана Блоком в самом конце 1909 г., писалась глав-

ным образом в 1910—1911, 1914, 1916 и 1921 гг., но закончена не была. Поэма должна была состоять из пролога, трех больших глав и эпилога (закончить Блоку удалось только Пролог и I главу; кроме того были написаны вступление во II главу и большая часть III главы, — не считая черновых набросков). В 1919 г. Блок написал предисловие к поэме, излагающее ее сюжет иложенную в основу ее философско-историческую идею «возмездия».

Народ и поэт. Зигфрид — герой древнегерманского эпоса «Песня о Нибелунгах». *Нотунг* — меч Зигфрида. После того как Зигфрид заново сковал расколотый Нотунг, карлик *Ниме*, желавший завладеть мечом, пытался убить Зигфрида, но сампал от его руки. Эта тема была воспринята Блоком через оперный цикл Рихарда Вагнера «Кольцо Нибелунгов», высокоденившийся им с юношеских лет. Вот *голову его на блоде парю пласунья подает* и т. д. — имеется в виду библейская легенда о Саломее, потребовавшей у галилейского царя Ирода-Антиты, в награду за пляску, голову Иоанна-«крестителя». *Деница* — упоминаемый в Библии ангел, свергнутый с неба за нежелание уступить кому бы то ни было свое первенство.

Два века. В отдельной газетной публикации этот фрагмент заканчивался сле-

дующими стихами, отброшенными в окончательном тексте поэмы:

Как день твой величав и пышен,
Как светел твой чертог, жених!
Нет, то не рог Роланда слышен,
То звук громовой труб иных!
Так, очевидно, не случайно
В сомненьях закалил ты дух,
Участник дней необычайных!
Открой твой взор, отверзи слух
И причащись от жизни смысла,
И жизни смыслы благослови,
Чтоб в тайные проникнуть числа,
И храм воздвигнуть — на крови.

Мадам Рекалье, Юлия-Аделаида (1777—1849) — хозяйка знаменитого салона. *Роланд* — герой французского средневекового рыцарского эпоса. *Люцифер* — одно из библейских имен дьявола. *Кометы грозной и хвостатой ужасный призрак* — в 1910 г. много говорили о комете, приближавшейся к земле и будто бы грозившей ей гибелью. *Безжалостный конец Мессины* — в 1908 г. южно-итальянский город Мессина был разрушен страшным землетрясением.

Возмездие К. И. Победоносцев (1827—1907) — обер-прокурор Синода, виднейший идеолог поповщины, черносотенства и полицейского режима, вдохновитель реакционной политики в 80-е годы. Царь огромный, водянистый — Александр III. «Кильхи»

называли татар-старьевщиков. Где в море сфинкс глядит — сфинкс на берегу Невы. Сам Дерзкий Основатель — Петр I.

Песня Гаэтана

Гаэтан — центральный герой драмы «Роза и Крест», старый и нищий рыцарь, сочинивший песню о том, что «страдание может стать радостью». Песня эта служит как бы лейтмотивом всей драмы.

Двенадцать

Время написания поэмы определяется следующими датами: 8 января 1918 г. Блок впервые упоминает о ней в записной книжке, а 28 января — поэма была вчерне закончена. Первая строфа IX главы (*Не слышно шуму городского и т. д.*) варьирует начальные строки популярного народного романса, литературным источником которого является стихотворение поэта пушкинской поры Ф. Н. Глинки — «Узник». Стихи *Вперед, вперед, вперед, рабочий народ* (главки X и XI) — вариация слов известной революционной песни 1890—1900-х гг. — «Варшавянка».

Скифы

И дикой сказкой был для вас провал и Лиссабона, и Мессины — дважды, в XIV и XVIII вв., Лиссабон был разрушен землетрясением (как и Мессина в 1908 г.). Пе-

стул — древнегреческая колония в южной Италии, разгромленная в конце IX века сарацинами.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ БЛОКА

1. Собрание сочинений. Издательства Писателей в Ленинграде и «Советский Писатель». Л. 1932—1936.

Наиболее полное и верное по тексту издание. До 1937 г. вышло двенадцать томов: в тт. I—IV собраны стихотворения, в т. V — поэмы, в т. VI — драматические произведения, в т. VII — переводы драматические и стихотворные, в тт. VIII—XII — очерки и статьи; готовятся к печати тт. XIII и XIV, заключающие дневники и записные книжки Блока.

2. Стихотворения. Поэмы. Театр. Редакция В. Орлова. Государственное издательство «Художественная литература», Л., 1936.

Однотомное комментированное издание, включающее все основные художественные произведения Блока, а также некоторые его статьи, предисловия и примечания к отдельным книгам, планы произведений и т. д. В комментариях приведены важнейшие варианты и различия. Указана библиография книг Блока и основной литературы о нем.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ (1907—1916)

Страшный мир (1909—1916)

К Музе	5
«Под шум и звон однообразный»	7
«В эти желтые дни меж домами»	8
«Из хрустального тумана»	9
Двойник	11
Песнь Ада	13
«Поздней осенью из гавани»	18
На островах	19
«С мирным счастьем покончены счеты»	21
«Дух прянй марта был в лунном круге»	22
В ресторане	23
Демон	25
«Как тяжело ходить среди людей»	27
«Я коротаю жизнь мою»	28
Унижение	29
Авиатор	31
Пляски смерти:	
1. «Как тяжко мертвому среди людей»	33
2. «Ночь, улица, фонарь, аптека»	35
3. «Пустая улица, один огонь в окне»	35

4. «Старый, старый сон. Из мрака»	36
5. «Вновь богатый зол и рад»	37
«Миря летят. Года летят. Пустая»	38
«Осенний вечер был. Под звук дождя стеклянный»	40
«Есть игра: осторожно войти»	42
«Как растет тревога к ночи!»	44
«Ну, что же? Устало заломлены слабые руки»	45
Жизнь моего приятеля:	
1. «Весь день, как день: трудов исполнен малых»	47
2. «Поглядите, вот бессильный»	48
3. «Все свершилось по писаньям»	49
4. «Когда невзначай в воскресенье»	50
5. «Пристал ко мне нищий дурак»	50
6. «День проходил, как всегда»	51
7. Говорят черти	53
8. Говорит смерть	54
Черная кровь:	
1. «В пол-оборота ты встала ко мне»	56
2. «Я гляжу на тебя. Каждый демон во мне»	57
3. «Даже имя твое мне презренно»	57
4. «О, нет! Я не хочу, чтоб пали мы с тобой»	57
5. «Вновь у себя... Унижен, зол и рад»	58
6. «Испугом охвачена, влекома»	59
7. «Ночь, как века, и томный трепет»	59
8. «Я ее победил, наконец!»	60
9. «Над лучшим созданием божиим»	61
Голос из хора	
	62

Возмездие (1908–1913)

«О доблестях, о подвигах, о славе»	64
«Она, как прежде, захотела»	66
«Ночь, как ночь, и улица пустынна»	68
«Я сегодня не помню, что было вчера»	69
«Когда я прозрел впервые»	70
«Дохнула жизнь в лицо могилой»	71
«Когда, вступая в мир огромный»	72
«Весенний день прошел без дела»	73
«Ты в комнате один сидишь»	74
«Кольцо существованья тесно»	76
«Чем больше хочешь отдохнуть»	77
Шаги командора	78
«Как свершилось, как случилось»	80
 <i>Ямбы (1907—1914)</i>	
«О, я хочу безумно жить»	83
«Я ухо приложил к земле»	84
«Тропами тайными, ночными»	85
«В голодной и больной неволе»	86
«Не спят, не помнят, не торгуют»	87
«О, как смеялись вы над нами»	88
«Я — Гамлет. Холодают кровь»	89
«Так. Буря этих лет прошла»	90
«Да. Так диктует вдохновенье»	91
«Когда мы встретились с тобой»	92
«Земное сердце стынет вновь»	93
«В огне и холоде тревог»	94

Итальянские стихи (1909)

Равенна	96
«Почиет в мире Теодорих»	98

Девушка из Spoleto	99
Венеция:	
1. «С ней уходил я в море»	100
2. «Холодный ветер от лагуны»	100
3. «Слабеет жизни гул упорный»	101
Перуджия	103
Флоренция:	
1. «Умри, Флоренция, Иуда»	104
2. «Флоренция, ты ирис нежный»	105
3. «Страстью длинной, безмятежной»	105
4. «Жгут раскаленные камни»	106
5. «Окна ложные на небе черном»	106
6. «Под зноем флорентийской лени»	107
7. «Голубоватым дымом»	107
«Вот девушка, едва развившись»	109
Madonna da Settignano	110
Фьезоле	111
Сиена	112
Сиенский собор	113
«Искусство — ноша на плечах»	114
«Глаза, опущенные скромно»	115
Благовещение	117
Успение	119
Эпитафия Фра Филиппо Липпи	121
 Разные стихотворения (1908—1916)	
За гробом	123
Друзьям	125
Порты	127
«Когда замрут отчаянья и злоба»	129
«Все это было, было, было»	130

Сусальний ангел	132
«Ты помнишь? В нашей бухте сонной»	134
«Благословляю все, что было»	136
Владимиру Бестужеву	137
«И вновь — порывы юных лет»	138
Художник	139
«О, нет! не расколдуешь сердца ты»	141
Женщина	143
Перед судом	145
Антверпен	147
«Похоронят, зароют глубоко»	149
«На улице — дождик и слякоть»	150
«Ты твердишь, что я холоден, зам- кнут и сух»	151

Арфы и скрипки (1908—1916)

«Свирель запела на мосту»	153
«Май жестокий с белыми ночами»	154
Три послания:	
1. «Всё помнит о весле вздыхаю- щем»	155
2. «Черный ворон в сумраке снеж- ном»	155
3. «Знаю я твое льстивое имя»	156
Мэри:	
1. «Опять у этой двери»	157
2. «Жениха к последней двери»	157
3. «Косы Мэри распущены»	158
«Я пригвожден к трактирной стойке»	160
«Часовая стрелка близится к полночи»	161
«Всё б тебе желать веселья»	162
«Опустись, занавеска линяла»	163

«Мой милый, будь смелым»	164
Через двенадцать лет:	
1. «Все та же озерная гладь»	165
2. «В темном парке под ольхой»	165
3. «Когда мучительно восстали»	166
4. «Синеокая, бог тебя создал та- кой»	167
5. «Бывают тихие минуты»	167
6. «В тихий вечер мы встречались»	168
7. «Уже померкла ясность взора»	169
8. «Все, что память сберечь мне старается»	169
Утро в Москве	171
«Как прощались, страстно клялись»	172
«Все на земле умрет — и мать, и мла- дость»	173
Голоса скрипок	174
«Когда-то гордый и надменный»	175
«Где отдастся в длинных залах»	176
«В неуверенном, зыбком полете»	177
«Без слова мысль, волненье без на- звания»	178
«Ветр налетит, завоет снег»	179
«Шар раскаленный, золотой»	180
«Сквозь серый дым от краю и до краю»	181
«Есть минуты, когда не тревожит»	182
«Болотистым, пустынным лугом»	183
«В небе — день, всех ночей суеверней»	184
Седое утро	185
«Есть времена, есть дни, когда»	187
«Натянулись гитарные струны»	188
«Ты — буйный зов рогов призывных»	189

«Петербургские сумерки снежные»	190
«Превратила всё в шутку сначала»	191
«Была ты всех ярче, верней и пре- лестней»	192
«Он занесен, сей жезл железный»	193
«Пусть я и жил, не любя»	194
«За горами, лесами»	195

Кармен (1914)

«Как океан меняет цвет»	196
«На небе празелень, и месяца осколок»	197
«Есть демон утра. Дымно-светел он» .	198
«Бушует снежная весна»	199
«Среди поклонников Кармен»	200
«Сердитый взор бесцветных глаз»	201
«Вербы — это весенняя таль»	203
«Ты, как отзыв забытого гимна»	204
«О, да, любовь вольна, как птица»	206
«Нет, никогда моей, и ты ничьей не будешь»	208

Соловьевский сад (1915) . . . . .

Родина (1907—1916)

«Ты отошла, и я в пустыне»	217
«В густой траве пропадешь с головой»	218
«Задебренные лесом кручи»	219
«На поле Куликовом:	
1. «Река раскинулась. Течет, гру- стит лениво»	220
2. «Мы, сам друг, над степью в пол- ночь стали»	221

3. «В ночь, когда Мамай залег с ор- дою»	222
4. «Опять с вековою тоскою»	223
5. «Опять над полем Куликовым»	224
Россия	226
«Вот он, ветер»	228
Осенний день	229
«Дым от костра струею сизой»	231
«Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам малться?»	232
На железной дороге	233
Посещение	235
«Там неба освещенный край»	237
«Приближается звук. И, покорна ще- мящему звуку»	238
Сны	239
Новая Америка	241
«Ветер стих, и слава заревая»	244
Последнее напутствие	245
«Грешить бесстыдно, непробудно»	247
«Петроградское небо мутилось дож- дем»	249
«Я не предал белое знамя»	251
«Рожденные в года глухие»	252
«Дикий ветер»	253
Коршун	255

О чём поет ветер (1913)

«Мы забыты, одни на земле»	256
«Поет, поет»	258
«Милый друг, и в этом тихом доме»	260
«Было то в темных Карпатах»	261

ВОЗМЕЗДИЕ. ПЕСНЯ ГАЭТАНА.	
ДВЕНАДЦАТЬ. СКИФЫ	
Возмездие	
Народ и поэт <Пролог поэмы>	265
Два века <Вступление в первую главу>	268
Возмездие <Вступление во вторую главу>	271
Над Варшавой <Из третьей главы>	275
«Когда ты загнан и забит» <За- ключение третьей главы>	277
Песня Гаэтана <Из драмы «Роза и Крест»>	279
Двенадцать	
1. «Черный вечер»	281
2. «Гуляет ветер, порхает снег»	285
3. «Как пошли наши ребята»	287
4. «Снег крутит, лихач кричит»	288
5. «У тебя на шее, Катя»	289
6. «Опять навстречу несется вскакь»	291
7. «И опять идут двенадцать»	292
8. «Ох ты, горе-горькое!»	294
9. «Не слышно шуму городского»	295
10. «Разыгралась чтой-то выюга»	296
11. «И идут без имени святого»	297
12. «Вдаль идут державным шагом»	298
Скифы	300
Примечания	305
Основные издания сочинений Блока .	318

СПИСОК ОПЕЧАТОК

Ответств. редактор Н. Л. Степанов. Техн. редактор А. Кирнарская. Корректор А. И. Сарифан. Художник В. Двораковский. Тираж 10000. Леноблгортит № 2959. С. П.—изд. Л. Сдано в набор 10/IX 1937 г. Подп. к печ. 1/IX 38 г. Форм. бумаги 70×108/64. Бум. А. 2|16. Колич. знаков в 1 б. л. 149000. Уч.-а. л. 11,33 А. л. 11. Печ. А. 5/в. Отпечатано в тип. им. Ив. Федорова, Ленинград, Звенигородская, 11. Заказ № 209

2 р. 50 к. Переплет 1 р.

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать	По чьей вине
24	1 сн.	9 апреля	19 апреля	тиографии
32	14 св.	Рука мертвее ръчага	Рука—мертвее рычага	-
54	6 "	Проклять	Проклясть	-
98	1 "	Почнет	Почнет	-
100	7 сн.	мая 1919	9 мая 1909	-
121	4 "	7 марта	17 марта	-
154	3 "	за тяжелым п	за тяжелым	-
			плугом	-
158	12 св.	спешил о	спешил он	-
159	1 сн.	7 июля	17 июля	-
169	13 св.	Мне к сердце	Мне к сердцу	-
195	5 "	когда	И когда	-
197	3 сн.	крыше	крышой	-
197	1 "	4 марта	24 марта	-
218	1 св.	с голово	с головой	-
224	3 "	токою	тоскою	-
246	1 "	проплыл	проплыли	-

Блок, том II.